

Екатерина Бунькова

Том 1

СНОВ

морда
Рэйвена

Екатерина Бунькова

9 снов лорда Рэйвена

<https://litres.ru/74205532>

Аннотация

В жизни всякого бессмертного есть Буйный возраст - время, когда чувства пылают ярко - а есть время остепениться и освоить профессию. Отправляясь в страну смертных, чтобы попробовать себя на стезе дипломата, лорд Рэйвен искренне считал, что его Буйный возраст давно закончился и пора искать смысл жизни, Любимое дело. Как же он ошибался!

От профессии дипломата Рэйвен ожидал светских бесед, экивоков и привычных расшаркиваний. Но княжна смертных - неординарная и властная женщина - сломала его скучные планы. Драки, бесшабашное веселье, азартные гонки, постыдные выходы и невероятная свобода – вот, как в ее представлении выглядит общение высокопоставленных лиц.

Кто из них прав? И чем это закончится?

*** Книга является первой частью трилогии.

Дорогие читатели! Автор любит писать "бытовушку", так что в тексте в большом количестве встречаются подобные эпизоды.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	34
Глава 3.	62
Глава 4.	84
Глава 5.	112
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Глава 1

Рэйвен Лаард

Пролог

Шварх!

Доктор едва успел отскочить, и ему под ноги покатались осколки вдребезги разбившихся пузырьков. Остро запахло спиртом и травами. «Так недолго лишиться и всех запасов», – подумал он.

– М-м-м! – застонал молодой лорд, снова выгибаясь дугой и роняя с постели подушки.

– Тобиан, держите крепче! – потребовал доктор, торопливо отодвигая от беснующегося пациента оставшиеся препараты и пытаясь вспомнить, куда засунул ящик с эссенциями.

Наконец, отыскав нужный флакон, он набрал десять капель успокоительного концентрата и попытался дать их милорду, но тот вывернулся и закричал, сотрясаясь в рыданиях.

– Схожу за его отцом, – сказал камердинер, попятившись. – Это уже ни в какие рамки.

– Ни в коем случае! – остановил его врач. – Мальчик не хотел, чтобы лорд Адриэл видел его состояние.

– Если б мы всё делали, как хочет этот «мальчик», он лежал бы сейчас хладным трупом, Лейкери! – возмутился Тобиан.

– Это не нам решать, – сдвинул брови доктор. – Хватит

уже его во всем ограничивать.

– Да Вы посмотрите, до чего он себя довел! – возмутился камердинер.

– Кеттелин... – хрипло прошептал лорд Рэйвен, хватая рукой пустое пространство. Глаза его смотрели сквозь склонившиеся над ним обеспокоенные лица – он явно видел то, чего не существовало.

– Ее тут нет, милорд, – мягким голосом обратился к нему Лейкери. – Она в своих покоях. Вам все приснилось.

– Кеттелин! – снова простонал молодой человек, похоже, не услышав врача.

На лбу его выступила испарина, золотые волосы прилипли к коже. Он улыбался, как безумный, в то же время болезненно морщась, и тянул руки, пытаясь коснуться той, что даже не знала о происходящем.

– Будь проклят день, когда он решил сюда поехать, – сокрушенно уронил голову камердинер. – Она сведет его с ума!

А Лейкери ничего не сказал. Он впервые видел, чтобы бессмертный влюбился в смертную.

Глава 1. Торжество

За пару недель до указанных событий

– Тор-ржество! Тор-ржество! – старательно выговорила большая птица, покачиваясь на золотой жерди, и повернулась к лорду Рэйвену одним глазом. Глаз был почти человеческий, с белой обводкой, и внимательно оглядывал окружа-

ющих.

– И правда ученая, – заметил лорд Адриэл, подавая птице орех из той горы яств, что привезли сегодня с юга в подарок на совершеннолетие его сына. – Нравится?

– Не слишком, – пожал плечами лорд Рэйвен, разглядывая цветные перья. – Лет пятьдесят назад оценил бы. Хотя я тогда, помнится, мечтал о собаке, а ты не разрешил.

Он пригубил вино из оплетенного серебром кубка. Перстень-печатка тихонько звякнул, соприкоснувшись с тонким основанием.

– Ты тогда задыхался от шерсти животных, – напомнил ему отец, выбирая новый орех. – Да и сейчас порой у тебя глаза краснеют.

– Отец, не надо, – чуть поморщившись, попросил лорд Рэйвен и тоже попытался угостить умную птицу.

Та брезгливо отвергла кусочек предложенного им яблока. Перевернулась на жерди хвостом к новым хозяевам, но потеряла равновесие и вынуждена была трижды взмахнуть крыльями.

Крылья были большие, за столом случился локальный ураган, и волосы ближайших к птице людей взметнулись в воздух золотыми сполохами.

– Что за необдуманные подарки? – прошипела сквозь великолепно поставленную улыбку леди Лютиэль, мать Рэйвена. Ей стоило больших трудов незаметно отлепить с губ приклеившиеся на масляную помаду белые пряди своих волос.

Женщину услышали все, кто сидел в нише, предназначенной для хозяев дома, но никто не ответил, прекрасно чувствуя ее настроение и не желая ввязываться в спор: тяжелый характер леди Лютиэль был хорошо известен ее домашним.

Мужчины спокойно продолжали наблюдать за танцующими и потягивали вино. Зал был полон музыкой, шорохами шелков, запахами праздника, блеском бриллиантов и, конечно, разговорами.

– Хорош, – с восхищением сказала одна из танцующих дам своей соседке, явно имея в виду младшего лорда, потому что в этот момент пристально его разглядывала.

Лорд Рэйвен, совершеннолетие которого сегодня и праздновали, слегка улыбался. Кисти рук, украшенные перстнями, выглядели изящно, как у музыканта, а чуть исхудавшее лицо могло похвастаться чертами, присущими ученым. Выражение лица его было спокойным и даже чуть утомленным.

Дождавшись смены такта, две танцующие девушки коснулись друг друга локтями и поменяли положение и кавалеров. Теперь вторая девушка получила возможность оценить внешность младшего из клана Лаард.

– Да ну, бледный какой-то, – сказала она, окинув лорда Рэйвена беглым взглядом. – Румянец на щеках нездоровый и щеки впалые. Не кормят они его, что ли?

– Но как одет, а? – сказала ее подруга. – Ты смотри-смотри, пока можешь.

– Да на что тут смотреть? – фыркнула вторая девушка. –

Все простенько так. И ничего толком не видно под десятью слоями. Вот если б он танцевать пошел, мы б его хотя бы пощупали.

Девицы синхронно хихикнули.

– Хм, – лорд Рэйвен шевельнул бровью, выражая таким образом свое мнение насчет данного описания, и пробормотал: – Вот наглые.

– Они вас не слышат, можете не шептать, – подал голос его сосед, доктор Лэйкери.

– Почему тогда я их слышу? – чуть приподнял бровь Рэйвен, не поворачивая к нему головы и не слишком шевеля губами, как его учила мать.

– Потому что акустика этого зала так устроена, – ответил вместо доктора лорд Адриэл. – Чтобы мы слышали чужие разговоры, а гости не слышали наших обсуждений. Так что если захочешь сказать речь, выходи за линию серебряного орнамента.

Он показал взглядом на полукруг на полу, зрительно отделяющий их от танцующих.

– Восемьдесят лет в этом доме живу, а не знал, – задумчиво поджал губы лорд Рэйвен.

Танцующие пары тем временем сделали круг, и две сплетницы снова оказались напротив хозяев дома. Одна из них покосилась на беременную леди Афлин, сидящую по правую руку от своей матери.

Наследница дома была хороша собой, но пребывала в том

особом состоянии, которое свойственно только ожидающим ребенка: взгляд ее был устремлен в пространство, на губах играла улыбка, а руки то и дело поглаживали живот.

– Вот ведь везучие эти Лаарды, – с завистью сказала танцующая и коснулась подружки локтем, отмечая шорохом платья очередной поворот. – Двое детей и уже внука ждут.

– Лаарды не везучие, а мудрые, – пояснила вторая девица, красивым жестом подбирая подол, чтобы не наступить на кружево. – Лорд Адриэл специально взял жену из семьи Аттери, потому что те – самые плодовые: у них Амок случается в каждом поколении.

– Угу, – презрительно фыркнула первая. – А еще они самые неуравновешенные. Ты посмотри, как ее перекосило опять: будто слышит нас.

Леди Лютиэль явственно побледнела и скрипнула зубами. Ее годами оттачиваемое искусство мило улыбаться в любой ситуации дало трещину.

– Спокойнее, дорогая, – едва слышно шепнул ей муж и незаметно для окружающих погладил жену по руке. – Молодые девчонки вечно болтают какую-то ерунду.

– Тоже мне молодые, – прошипела леди Лютиэль. – Одной двести сорок, другой почти четыреста. И ни ума, ни воспитанности. Кто их вообще впустил?

– Ну, мы же не можем выгнать тех, кто пришел по приглашению, – укорил ее муж.

– Мы приглашали их отцов, – с легким рыком напомнила

женщина. – И предполагалось, что отцы придут с женами, а не с дочерьми, засидевшимися в девках.

– Если быть точным, большинство пришло с внучками и внучатыми племянницами, – поправил доктор Лэйкери. – И я не удивлен, что так случилось: все торопятся воспользоваться шансом представить своих девочек юному лорду.

Доктор хитро улыбнулся и почти подмигнул подопечно-му. Молодой человек поморщился, будто раскусил гнилой орех, и теперь не знал, как бы так его деликатно выплюнуть: сдались ему эти пустоголовые девицы!

– Ну ты-то хоть держи себя в руках, – сделал ему замечание отец. – На нас все смотрят. Излишняя эмоциональность приводит к необдуманным словам, а те, в свою очередь – к ненужным конфликтам.

– И мог бы уже объявить о помолвке с леди Ашими, – вставила леди Лютиэль. – Только вводишь гостей в заблуждение.

– Вы слишком строги, Ваше Величество, – одернул правящего лорда доктор Лэйкери. – Мальчик прекрасно показал себя на протяжении всего Буйного возраста: ни разу не сбежал из дома, не грубил, не устраивал истерик и даже не попытался провернуть революцию, как его сестра.

Доктор тихо рассмеялся, и вся семья тоже разулыбалась, припомнив эту историю. Леди Афлин, к счастью, то ли не услышала, то ли не обратила внимания на то, что ее обсуждают, полностью погруженная в свое уникальное состояние.

– Не могу не согласиться, – кивнул лорд Адриэл. – И в этом отношении я горжусь тобой, Рэйвен.

Молодой человек слегка улыбнулся и едва заметно кивнул, принимая комплимент.

– Но это не повод расслабляться, – продолжил его отец. – Пусть мы уберегли тебя от обязанности наследия, но жизнь – сложная вещь, и всякое в ней случается. Так что води себя так, словно наследник – ты.

Лорд Рэйвен еще раз слегка кивнул, показывая, что он услышал и принял.

– А мне кажется, немного подурить было бы неплохо для Вашего сына, – не согласился доктор, сверкая озорными искорками во взгляде.

– Подурить? О чем Вы, Лэйкери? – уточнил лорд Адриэл.

– Развитие личности – сложная штука, – ответил Лэйкери.
– Недаром дети учатся ползать, ходить и говорить не только в определенном порядке, но и в установленном природой возрасте. Если сдерживать природные порывы, можно в итоге получить искаленную личность.

Над столом повисло молчание. Присутствующие обдумывали слова доктора.

– Торррржество! Торррржество! Кирукек! – снова продекларировала птица и поскребла лапой клюв. Сразу две руки, не сговариваясь, протянули ей лакомство, чтобы не мешала беседе.

– И в чем, по-вашему, для него отразится отсутствие этого

жизненного этапа? – наконец, нарушил молчание лорд Адриэл.

– Кто знает? – пожал плечами Лэйкери. – Доселе никому не удавалось избавиться от Буйного возраста. Все через него проходили: у одних он был ярче, у других чуть спокойнее. И мне кажется, у лорда Рэйвена он просто задержался в связи с ослабленным здоровьем.

– На пятьдесят лет? – насмешливо изломал бровь лорд Адриэл. – Не смешите, Лэйкери.

– И все же, – настойчиво сдвинул брови доктор и даже повернул голову и чуть подался вперед, чтобы увидеть собеседника, которого загораживал от него молодой человек. – Вы слишком долго держали сына взаперти.

– Я? Взаперти? – лорд Адриэл тоже повернул голову к собеседнику и перешел на более эмоциональный тон, так что часть танцующих с любопытством повернула головы в его сторону, а жена, шипя, принялась дергать мужа за рукав.

– Тише, дорогой! – прошипела она сквозь улыбку.

– Да я столько сил приложил, чтобы мой сын увидел мир, не навредив при этом своему здоровью! – не услышал ее лорд Адриэл. – Сюда и редких животных привозили, и артистов из разных стран приглашали, диковины, растения, фрукты, книги со всего света доставляли. А сколько людей здесь побывало – целая страна!

– Ну-ну, – хмыкнул доктор. – И на все это несчастный мальчик взирал из окна своей комнаты, никуда из нее не вы-

ходя.

– Но его никто не запирает, – возмутился лорд Адриэл. – Кроме случаев непослушания, разумеется.

– Однако и близко ко всем этим диковинам не подпускал, – напомнил доктор. – А что за прелесть смотреть, но не иметь возможности потрогать или поучаствовать?

– У него были такие возможности! Театр, балы, игры, даже фейерверки – все было! – лорд Адриэл слегка пристукнул кулаком по столу, отчего птица испугалась и вновь замала крыльями, разлохмачивая хозяевам их тщательно уложенные волосы.

– Дорогой! – довольно громко прошипела леди Лютиэль, все сильнее теряя контроль над искусственной улыбкой, и щипнула мужа за локоть. – Вас уже в зале слышно. И мальчику неприятно, что вы обсуждаете его.

– Мальчику все равно, что о нем говорят, – ответил лорд Рэйвен с легкой. – Даже интересно было узнать, сколько сил мой отец вложил в мое воспитание. И странно было послушать, как зацепили его слова нашего доктора: будто он и сам сомневается, что сделал достаточно.

Лорд Адриэл спохватился, кашлянул и сел ровнее, справившись с собой – шпилька от сына отрезвила его. Он выпил вина, потер складки на лбу. Вдохнул.

– Извини, – сказал он после небольшой паузы. – Это было некрасиво. Меня занесло.

– Ничего страшного, отец, я понимаю, как Вы обо мне бес-

покоитесь, – ответил молодой человек. – И благодарен Вам.

– Но я хотел бы дать тебе больше, – признался лорд Адриэл. – Моего врачебного таланта хватило лишь на то, чтобы ты выжил. И все твоё детство было потрачено на борьбу с болезнью. Я сожалею, сынок. Мы с твоей матерью вовсе не такими представляли твои первые годы жизни. Но увы, время не повернешь вспять.

– А если б и можно было повернуть, разве кто-нибудь сумел бы справиться с задачей лучше, чем вы уже это сделали, отец? – с улыбкой ответил лорд Рэйвен. – Меня вполне устраивает моё детство.

– Даже не знаю, гордиться ли мне сыном или же собой, что сумел такого сына воспитать, – сказал лорд Адриэл и поднял бокал. – С совершеннолетием тебя.

– С совершеннолетием! – присоединился доктор Лэйкери, и трое мужчин, синхронно, как по команде, оставили неудобную тему и снова принялись смотреть на танцующих дам.

Начался традиционный танец Белой ветви, который имели право исполнять только незамужние девушки, и площадка для танца была заполнена желающими покрасоваться девицами так, что тем приходилось двигаться очень осторожно, чтобы не толкать друг друга.

Девы были разные. Одна красавица даже имела волосы, как в сказке: с явственной волной, чем выгодно отличалась

от других. И о чем, похоже, прекрасно знала, потому что с ее лица не сходила насмешливая улыбка: ее явно веселило это скопище девиц на выданье. Или, быть может, она посмеивалась над собой, что решила присоединиться к стадному инстинкту.

Лорд Рэйвен покосился на отца, одобрительно кивающего в такт ее движениям, потом опять на красавицу и подумал, что есть и третий вариант: девушку позвали целенаправленно.

– Нравится? – неверно истолковал лорд Адриэл его интерес к даме. – Пригласи ее на следующий танец.

– Какой в этом смысл? – безэмоционально ответил Рэйвен.

– Ну, объявить о помолвке с леди Ашими ты что-то не торопишься, хотя о наших планах на ее счет вся страна уже знает, – пожал плечами его отец. – Если ты разочарован в моем выборе, тогда сделай свой – я не буду против. Не ради продолжения рода, так хотя бы затем, чтобы сделать приятно другой семье.

– И тем самым обречь девушку на бездетную жизнь? – насмешливо покосился на него сын. – Помнится, именно из-за этого пункта вы сменили наследника – чтобы линия наследия не превратилась в зигзаг после моей смерти.

– Ну, это вопрос неоднозначный, – снова вмешался в их беседу придворный врач. – Да, ваши жизненные силы малы. Но не настолько, чтобы лишать себя даже формальной воз-

возможности вступить в брак. А дети...

Доктор выдержал многозначительную паузу и продолжил:
– И здоровым людям порой не дано это счастье. У меня вот нет детей, хотя я все сделал, чтобы они были. Однако судьба распорядилась иначе. И знаете, молодой человек, если б меня несколько столетий назад кто-то предупредил, что детей у меня не будет, я бы все равно женился, ибо одиночество страшит всякого. Хотя, пожалуй, тогда я женился бы на другой.

Губы придворного врача тронула кривая ухмылка, и он поспешил спрятать ее в кубке.

– Я не чувствую одиночества: у меня есть семья, – заметил лорд Рэйвен и улыбнулся родителям, слегка поклонившись. Те улыбнулись в ответ и тоже качнули головами.

– Родители не вечны, – пожал плечами доктор Лэйкери.
– Об этом не принято говорить, но смерть всегда рядом: таится в замершей на краю крыши сосульке, прикорнувшей в траве змее или бьется в сердце слишком вольного жеребца, которому не терпится скинуть седока в пропасть.

Он вздохнул и продолжил:

– Мы уходим. Уходим всегда неожиданно. Но если семья большая, то потерю легче пережить. А еще семью не выбирают: какая есть, с такой и уживайся.

Он развел руками и вдруг перешел на заговорщицкий тон:
– Зато жену можно выбрать, – сказал он. – И я настоятельно рекомендую вам уделить этому аспекту большое внима-

ние, чтоб не наступить на те же грабли, по которым довелось поплясать мне. Если, конечно, не вмешается Амок.

– Род Лаард слишком древний, у нас не случается Амок, – напомнил лорд Адриэл.

– Спорное утверждение, – возразил доктор. – Не забывайте, что юный Рэйвен не только потомок своего отца, но и сын своей матери, а в ее роду Амок – довольно частое явление. Можно сказать, регулярное. Быть может, оно коснется и его.

– Сомневаюсь, – покачал головой старший лорд. – Амок всегда случается с сильными и активными мужчинами. Рэйвен совсем не такой. Не могу представить своего сына таким ... кхм... безумным.

– Или же сильными и активными их делает сам Амок, – умело возразил доктор. – Не надо думать о Рэйвене плохо. Кто знает: быть может, он преодолел недуг, и теперь с каждым десятилетием будет все здоровее. Так ведь, мой юный друг?

Он повернул лицо к подопечному и продолжил, адресуя слова уже молодому человеку:

– Верьте в лучшее, лорд Рэйвен. Вы еще в том возрасте, когда полагается строить и осуществлять чудесные планы. Надейтесь, мой юный друг, ищите и, быть может, вы встретите предназначенную вам судьбой.

– Увы, вся страна и без того уже побывала у меня в гостях, – отшутился лорд Рэйвен, кивнув отцу. – Если б где-то меня ждала моя Единственная, я бы ее уже встретил.

– Вся да не вся, – возразил Лэйкери. – Только богатые либо прославленные чем-то семьи. Кто знает: быть может, Ваша суженая сейчас сеет репу на полях. Плюс, не забывайте, что она просто могла еще не родиться – такое часто случается, и Амок запаздывает на пару столетий.

– Не родилась... или уже умерла, дожидаясь моего рождения, – дополнил лорд Рэйвен эту теорию.

– Ну что за мрачные настроения в такой прекрасный день? – вмешался, наконец, лорд Адриэл. – И что за дурная тема? Лэйкери, вы подбиваете моего сына на пустые мечты в попытках спровоцировать у него Буйный возраст.

Он недовольно поджал губы. Но, видно, высказал не все, потому что спустя пару мгновений решил добавить:

– И вообще, мне кажется, наша культура слишком романтизирует Амок. Мне не нравится, что наши дети мечтают о нем. Я считаю Амок болезненным состоянием мозга, когда молодой человек не способен на адекватные поступки, не видит реального положения дел. Если каждый мужчина начнет страдать Амоком, наше общество попросту развалится.

– Но Амок дает и чувство безграничного счастья, – возразил Лэйкери. – И, конечно же, детей. Вы же сами когда-то изучали врачебное дело, вы знаете, что наша долгая жизнь дана нам не за просто так: за нее мы платим бездетностью!

– Бездетность – слишком громко сказано, – возразил лорд Адриэл. – Терпение и настойчивость – вот залог продолжения рода.

– Вам легко говорить, ваша жена из семьи Аттери, у них всегда много детей, – возразил Лэйкери.

– Но вы же не будете спорить... – уже с нажимом начал говорить лорд Адриэл, однако сын вдруг перебил его:

– Господа, вы опять говорите сквозь мою голову, – заметил Рэйвен, поморщившись. – Да и тема какая-то... не ко столу.

– О, извините, мой юный друг, – спохватился доктор Лэйкери. – Это наш давний спор с вашим отцом. Пожалуй, мы и правда можем продолжить его в более удачное время. Например...

Хлопнувшая дверь не дала ему закончить. Музыканты сбились с такта, а танцующие – с шага. Возникло легкое столпотворение. Полетели возмущенные возгласы, но быстро стихли, а толпа вдруг торопливо расступилась, причем дамы разбегались особенно быстро и морщили носики.

По залу шел странного вида мужчина. Его коротко стриженные волосы были грязны и слиплись, кожа выглядела обветренной, особенно на губах, а ногти были обгрызены. Запах немытого тела опережал его. Одежда же была настолько драной и замызганной, что лорд Рэйвен видел такое разве что на представлении в театре.

– Ба, вот это гость, – протянул доктор Лэйкери в установившейся тишине, едва ли не присвистнув. – А я думал, его сожрали карлаки.

– Кто это? – спросил Рэйвен, неотрывно наблюдая за го-

стем: тот дошел до середины зала и будто забыл, зачем вообще здесь оказался.

Гость смотрел сквозь толпу, явно не замечая присутствующих, и выглядел душевнобольным. Потом его взгляд наткнулся на богато накрытый стол – причем ту его часть, где сидела правящая семья, так как остальные части стола загромождали от него подавшиеся в стороны гости.

Мужчина вздрогнул, оживился и направился напрямик к еде. Встал напротив хозяев и принялся есть, не здороваясь и не спрашивая разрешения.

Подошел слуга со стулом, не зная, предлагать ли его гостю, так невежливо явившемуся к столу. Лорд Адриэл кивнул, и слуга торопливо подставил стул под грязное сидалище. Человек послушно сел, не отрываясь от еды. В зале царило гробовое молчание.

– Кто это? – снова едва слышно шепнул Рэйвен доктору, не отрывая взгляда от происходящего.

– Старик Левенсток – самый древний из известных нам бессмертных, – нисколько не понижая голоса, ответил Лэйкери, будто зная, что его ответ не будет замечен гостем.

– И самый чокнутый, – дополнил лорд Адриэл, тоже не понижая голоса.

Гость находился практически под сводом ниши и должен был слышать оба высказывания, но почему-то не отреагировал на них. Он с удовольствием поглощал рыбный паштет, сдабривая его большими порциями салата и зажевывая хле-

бом. Ученая птица оскорбленно посмотрела на наглого едока.

– А что с его волосами? – уточнил Рэйвен, с легким ужасом оглядывая голову гостя, которая выглядела так, будто кто-то намеренно остриг ему волосы, а затем долго и упорно смазывал их жиром и втирал в них дорожную пыль.

– Грязные просто, – ответил Лэйкери. – Если я правильно понимаю, последние годы он жил один в северных горах. По крайней мере, некоторое время назад охотники встретили его именно там.

– Нет, я имею в виду, отчего они такие короткие? Он стрижет их каждый день? Зачем? – уточнил молодой человек.

Гость, будто услышав, заправил упавшую ему на лицо грязную прядь за ухо.

– Не задумывайтесь, мой друг, – покачал головой Лэйкери. – Просто примите его, как есть. Левенсток – самая большая загадка нашего края. Теперь Вы, лорд Рэйвен, официально видели все чудеса своей страны, не выезжая из столицы.

– Сила ножниц не в остроте лезвий, а в руках, что их держат, – неожиданно подал голос гость и посмотрел прямо на лорда Рэйвена.

Молодого человека пробрала дрожь от этого взгляда – глубокого и пустого одновременно, будто там, в глубине этих черных колодцев, окаймленных голубой радужкой, скрывалась сама Бездна.

– Ч... что это значит? – переспросил молодой лорд, будучи не в силах отвести взгляд.

Вместо ответа гость вдруг принялся его рассматривать: и так повернул голову, и этак. Вытянул руку с грязными ногтями, потрогал лоб Рэйвена, а затем и вовсе подцепил голову юноши согнутым пальцем за подбородок, и поводил ею из стороны в сторону, разглядывая.

Удивительно, но ни старший лорд, ни доктор не вмешались в этот ярмарочный осмотр. Больше того: они даже не выглядели обеспокоенными. Доктор же и вовсе как будто был доволен.

– Однако, опять неполадки и сбои, – пробормотал Левенсток себе под нос, неохотно отпуская подбородок Рэйвена. – Слабое дитя. Надо сообщить.

– Кому? – уточнил лорд Адриэл таким тоном, что стало ясно: на ответ особо не надеется.

И ответа не последовало. Однако старик явно потерял интерес к пище и продолжил говорить.

– Карлаки такие здоровые. И кусаются, – доверчиво пожаловался он старшему лорду, потирая локоть. – Надо предпринять меры.

– Какие? – снова спросил лорд Адриэл, но ответом ему была тишина, и в этой тишине отчетливо был слышен скрип железного пера, судя по звуку, быстро-быстро конспектирующего происходящее.

Лорд Рэйвен оглянулся и действительно увидел отцовско-

го секретаря. На лбу работника от старания уже успел выступить пот – так он старался застенографировать каждое слово бродяги.

Рэйвен поежился и все-таки отодвинулся назад от стриженного гостя. Происходило что-то странное.

Его движение привлекло внимание Левенстока. Тот снова повернулся к молодому человеку и продолжил говорить уже в его сторону.

– Такой большой, а пугаешься, – сказал он. – Не в том возрасте, чтобы пугаться. Видишь, отец не боится.

Гость махнул рукой в сторону Лэйкери. Доктор приподнял бровь и усмехнулся – его сочли родителем юного лорда. Рэйвен неловко покосился на настоящего родителя – не обиделся ли. И решил все-таки разъяснить недоразумение.

– Это не мой отец, это мой доктор, – пояснил он.

– Зачем тебе доктор? – неожиданно осмысленно поддержал беседу Левенсток. – Ты слаб, но не болен. Гуляй побольше, путешествуй, заводи друзей.

– Заводи друзей! Заводи друзей! – неожиданно решила выучить новые слова птица.

– Ну вот, я же говорил. – Лэйкери обрадованно развернулся к лорду Адриэлу, будто получив авторитетнейшее мнение. Тот поморщился и выдавил:

– Ну, нечего ему смотреть в нашей стране, я уже все показал. Но если так надо, пусть поедит, конечно.

– Да. Пусть поедет, – согласно покивал гость, опять на

несколько мгновений расфокусировав взгляд. – В Лисс.

– Куда? – хором переспросили присутствующие, впервые услышав это слово.

– В Лисс, – соизволил повторить гость, похоже, настроившийся, наконец, на логичную беседу. – Забыл ваше название. Где теперь эти – кудрявые, с черными глазами.

Он покрутил пальцем возле виска, изображая мелкие завитушки.

– Шаттергран, – первым сообразил лорд Адриэл. – Но... Зачем туда? Мы не имеем дел со смертными.

– Шаттергран. Шаттергран, – задумчиво покатал на языке новое для него слово Левенсток. – Времена меняются, язык меняется, а люди все те же. Ну, от перемены имени суть не пропадает. Меня тоже называли другим именем.

– Потому что свое ты забыл, – напомнил ему лорд Адриэл.

– Не-ет, – с широкой улыбкой медленно повторил гость и прикрыл глаза, будто что-то вызывая в памяти. – Я помню, я все помню. Вот только знаете, это так тяжело – помнить все. Мне пора домой, чтобы вытряхнуть из головы лишнее – Она разберется, что. Но с вами так интересно. И я все никак не могу уехать. Эх, малыш...

Он потрепал лорда Рейвена по голове. Тот вздрогнул от непривычного ощущения, и волосы на его голове зашевелились, а по спине пробежали холодные мурашки: за восемьдесят лет еще никто из посторонних не касался его, тем более, не трепал волосы.

Рэйвен отодвинулся. Окружающие же деликатно сделали вид, что ничего не произошло – что взять с сумасшедшего старика. Он уже давно забыл о правилах приличия.

– Жалуешься, что пора домой, однако же пропадаешь в горах, – заметил лорд Адриэл, лично наливая гостю вина, чтобы отвлечь его от слегка явно смущенного сына.

– Точно! – Левенсток поднял вверх указательный палец. – Карлаки же. Умные твари. Нет, говорить не умеют, но... Надо создать в Шаттергран посольство. Обязательно. Безотлагательно.

Лорд Адриэл и доктор Лэйкери переглянулись. Адриэл посерьезнел.

– Зачем нам посольство у смертных? – спросил он. – Они и слова-то такого не знают – окончательно одичали.

– Так карлаки же, – развел руками гость. – Карлаки... Кусаются так больно.

Он опять потер локоть, нахмурился и принялся смотреть в пространство. Напряженная складка на лбу распрямилась. Левенсток разулыбался, заметив нарисованную на стене крошечную птичку, и запрокинул голову, будто увидел, что с потолка к нему спускается нечто прекрасное.

– Он опять отключился, – констатировал факт доктор Лэйкери и помахал рукой перед лицом старика, который, вообще-то на старика вовсе не походил из-за своих коротких, как у ребенка, волос.

– Домой пора, – пробормотал гость, вставая со стула. –

Голову на Ее колени положить. Тяжелая голова. Слишком много, слишком долго... Она будет ворчать.

Он двинулся к выходу. Сомкнувшаяся было толпа снова торопливо шарахнулась в стороны, пропуская его.

– Торррржество! Кирукек! – крикнула вслед птица.

– Левенсток, зачем нам дружить со смертными? – в тщетной надежде еще раз громко спросил его лорд Адриэл.

Но сумасшедший старик уже миновал двери и на его вопрос не ответил.

Толпа загалдела и принялась затягивать свободное пространство. Музыка возобновилась. Медленно, но верно собравшиеся вернулись к своему обычному поведению, стремясь поскорее продемонстрировать, что удивительное событие несколько их не взволновало.

Лакеи поторопились проветрить помещение от неприятного запаха и убрать предметы, которых касался немый гость. Сплетни по поводу здоровья и внешнего вида младшего лорда сменились обсуждениями нового явления Левенстока народу.

– Вот всегда он так, – разочарованно протянул лорд Адриэл, отпивая из так и не початого гостем кубка. – Приходит, бросает пару смутных фраз и исчезает, ничего не пояснив. А нам потом гадай, что это было и к чему.

– Ну, в этот раз он был предельно ясен: четко и понятно велел создать посольство в Шаттергране, – заметил Лэйкери.

– Да, но зачем? – спросил лорд Адриэл. – У нас нет общих интересов со смертными. Мы даже территории больше не делим: они не умеют возделывать наши земли, ведь для этого требуется опыт поколений, а нам не нужны земли за рекой – слишком далеко ездить.

– Может, смертные так расплодились, что скоро захотят расшириться, и он хотел нас об этом предупредить? – предположил доктор. – Не удивлюсь, если за прошедшие годы Левенсток побывал не только в северных горах, но и в южных степях и понаблюдал за жизнью Шаттерграна. Кстати, это ведь название их столицы, верно? Интересно было бы узнать название страны.

– Если мне память не изменяет, нет у них названия, – ответил Адриэл. – Когда они говорят о своей родной земле, то именуют ее либо Отечество, либо Родина. А про себя говорят – землерожденные.

– Кстати да, у них вообще довольно интересный подход к созданию имен собственных, – сказал доктор и повернулся к Рэйвену. – Помнится, когда я был в Буйном возрасте, хотел стать самым известным путешественником, но увы, не ушел дальше Шаттерграна – как раз началась война. Однако, я многое помню с тех времен, в том числе и об их именовании. Представляете, лорд Рэйвен: они не дают имен своим отпрыскам!

– А как же тогда они зовут друг друга? – спросил молодой человек, понемногу возвращая себе обычное состояние духа

после визита Левенстока.

– А вот так, – развел руками доктор. – Когда ребенок совсем маленький, матери зовут его ласково: Солнышко, Зайчонок, Кроха. Ну, а со временем к человеку просто прилипает какое-либо прозвище. Поэтому их имена звучат примерно так: Камнеголовый, Сухорук, Ябеда, Прыщ и так далее. Бывает, что у человека много имен, и каждый зовет его по-своему.

Доктор усмехнулся своим мыслям, явно что-то припомнив, а затем продолжил:

– Разумеется, это явление наблюдается только в среде обычного народа: местная знать дает детям настоящие имена. Но боюсь, делается это вовсе не из необходимости как-то поименовать ребенка, а чтобы народ не сочинил будущему правителю нелicenseприятное прозвище. Помнится, в прошлом столетии Шаттерграном правили сначала Арик Кривозуб, потом Даро Монетка, а после – Логри Грязнозад.

Лорд Рэйвен не сдержал легкий смешок, и Лэйкери тоже улыбнулся, довольный, что удалось развлечь подопечного.

– А что, Ваше высочество, не хотите ли послом в Шаттергран? – вдруг предложил он и подмигнул молодому человеку. – Вот уж кто постоянно пребывает в состоянии Буйного возраста, так это смертные: рождаются в нем и умирают. Если и познавать суть этого периода искусственно – то в окружении людей, отдающих ему себя целиком, до последнего волоса.

– Ну уж нет, – отрезал лорд Адриэл, и который раз за этот вечер ему изменило спокойствие. – Шаттергран – одно из опаснейших мест. Они практически животные! Вы же помните, как они себя ведут.

– Не аргумент: мы тогда видели их в состоянии войны, – покачал головой Лэйкери. – Это были распаленные дракой самцы. Разве можно по таким особям судить о поведении всей стаи?

– Однако ты не можешь не признать, что от животных они недалеко ушли, – возразил лорд Адриэл. – Лишнее движение, обидное слово – и они бросятся на тебя. Бросятся на моего единственного сына!

– Ваш сын будет защищен статусом дипломата, – напомнил доктор.

– О чем Вы говорите, Лэйкери? Да они слова такого не знают! – возмутился лорд Адриэл.

– Ну, кто-то же должен объяснить им однажды, – развел руками Лэйкери. – Лорд Рэйвен, как мы все могли убедиться за эти годы – уравновешенный человек, он не будет совершать необдуманных поступков. Кроме того, если Вы так беспокоитесь, мы можем отправить его в сопровождении небольшого отряда.

– Чтобы смертные приняли это за начало войны и еще на подходах к их границам утыкали моего сына стрелами? – продолжал стоять на своем лорд Адриэл.

– Да не такие уж они страшные, хватит наговаривать! – не

выдержал, наконец, Лэйкери. – Что за предрассудки у Вас на этот счет?

– Вы забываетесь, лорд Лэйкери! – повысил голос Владыка.

– Господа, прекратите. – Рэйвен развел руки в стороны, останавливая их. – Послушайте, Лэйкери: я не чувствую в себе духа бунтарства. И не вижу смысла в том, чтобы искусственно его нагнетать. Даже если моя личность сложилась как-то не так, этого уже не изменить – подобное искажение тоже есть часть моей личности.

Он укоризненно посмотрел на своего доктора. Тот прикусил губу и не стал спорить.

– Однако и в том, чтобы немного попутешествовать, я тоже не вижу ничего плохого, – повернулся Рэйвен к отцу. – Я действительно ни разу не ступал за пределы нашей столицы. И коль скоро мои проблемы с дыханием и сердечной деятельностью преодолены, мне хотелось бы куда-нибудь съездить.

– Но не к смертным же, – скривился лорд Адриэл.

– Ты, отец, уверяешь, что в нашей стране я уже все видел, – напомнил ему лорд Рэйвен. – Отчего бы тогда не посмотреть, как живут соседи? Я, конечно, не дипломат, зато, как я понял, и смертные не слишком знакомы с этим понятием. Но как-то же они устанавливают мир после каждой стычки с соседями. Значит, с ними можно договориться. По крайней мере, не думаю, что они настолько опасны: даже дикие звери

не бросаются на людей без повода.

Он умолк, давая отцу возможность обдумать эти слова.

– То есть, ты **ХОЧЕШЬ** поехать? – уточнил лорд Адриэл после небольшой паузы. Молодой лорд задумался.

– Я... не знаю точно, чего я хочу, – честно признался он.
– Но я не против.

– Я думал, тебе нравится заниматься точными науками, – напомнил ему отец. – Думал, ты хочешь быть ученым.

– Но это же так – занятие от скуки, – смущенно улыбнулся Рэйвен.

– От скуки... – давясь смехом, повторил доктор Лэйкери.
– Нет, вы посмотрите на него. Точными науками – от скуки... О, боги, эти дети... Нет, правда? То есть, Вы сидите в библиотеке без всякой цели? Ничего не ищете, не разгадываете, не исследуете? Просто решаете задачки, чтобы скоротать время?

– Ну... я понимаю, что у каждого человека есть Любимое Дело, – осторожно ответил лорд Рэйвен. – И что Любимое Дело время от времени меняется на другое. Я... чувствую в себе некий запас сил и знаю, что мог бы чем-то увлечься, заполнить пустоту внутри. Но все имеющиеся занятия воспринимаются мной слишком мелкими и незначительными. И я, кажется, не встречал еще того, чего мне не хватает.

– Вот! – укоризненно покачал пальцем доктор Лэйкери. – Вот оно – вмешательство в развитие личности. Мы сбили мотивационную сферу. Молодой человек пропустил этап фор-

мирования личных ценностей, этап самостоятельного знакомства с миром и выбора жизненных целей. И вот он результат: личность чувствует в себе пустоту и стремится ее заполнить, но не знает, как. Мы просто обязаны дать ему глотнуть воздуха свободы!

– Лэйкери, Вы сегодня особенно назойливы, – скрипнул зубами лорд Адриэл. – Так и знайте: я сына одного не отпускаю. Если он не передумает ехать в Шаттергран, поедете с ним.

– Да только рад буду, – рассмеялся доктор. – Может, наконец, исполню свою мечту – напишу какой-нибудь достойный труд по медицине. Вы, главное, жену мою здесь оставьте, и я – хоть на край света!

– И этот человек учит моего сына семейным ценностям, – сокрушенно покачал головой лорд Адриэл.

Все трое натянуто рассмеялись, чтобы завершить разговор, а потом замолчали, размышляя каждый о своем. Лэйкери – о том, что неплохо было бы, если б кто-то взялся и его жену подучить семейным ценностям. Лорд Адриэл – о том, имеет ли он право думать, что способен еще хоть чему-то учить совершенно взрослого сына прежде, чем тот окончательно вылетит из гнезда.

Лорд Рэйвен же думал о том, как сказать отцу, что он собирается уехать вовсе не потому, что надеется найти в путешествии нечто новое и удивительное, а потому, что отцу пора перестать прилагать столько усилий для организации сча-

ствия сына и заняться, наконец, собой. Родители порой так трогательно слепы и безграничны в своей любви.

– Торрржество! – заявила неугомонная птица и нагадила на стол.

– Птицу я точно с собой не возьму, – однозначно прокомментировал этот факт лорд Рэйвен.

Глава 2

Праздник затянулся. Стоило только солнцу начать креститься к закату, как на улице по-весеннему посвежело, и гости не торопились расходиться в зябкую прохладу вечерних улиц из Дома Владык – теплого, полного вкусных запахов, приятных звуков и улыбок.

Да их никто и не торопил: в большой зале только-только начали свое настоящее представление музыканты, на столах еще стояли вазочки со сладостями, ходили лакеи с полными подносами, а позднее ночью обещали и салют.

К счастью, после официальной части присутствие молодого лорда в зале уже не требовалось, и он вышел на балкон – подышать тишиной и прохладой. В голове у него немного гудело от выпитого вина, а мысли плыли куда-то вместе с закатными облаками.

Под балконом раскинулся по-вечернему темный сад, расцвеченный кое-где цветными бумажными фонариками. От фонтана тянуло сыростью, и порывы ветра даже доносили до щеки молодого человека мелкие капли воды.

– Вы простудитесь, мой лорд, – раздался робкий голос за его спиной, сопровождаемый шорохом шелкового платья по паркету.

Скрипнула дверь, и шум музыки стал стихать, пока не скрылся за щелчком защелки.

– Вы припозднились сегодня, леди Ашими, – улыбнулся лорд Рэйвен, обращаясь к девушке, чтобы поприветствовать ее.

Она была сегодня в небесно-голубом наряде с легчайшими белыми кружевами. Жаль, что он не успел полюбоваться этим юным созданием при свете солнца: на фоне желтого света свечей ее силуэт был темным, а лица и вовсе не было видно под вуалью.

– Я давно уже здесь, просто не хотела надоедать, – призналась она, подавая руку для ритуального приветствия.

Рэйвену показалось, что девушка покраснела, но против света да через белую кружевную вуаль этого было не разобрать. Он нежно обхватил ее запястье поверх белой шелковой перчатки, задержался на мгновение, наслаждаясь этим моментом, но Ашими почти сразу смущенно отняла руку – она все еще не привыкла к своему статусу.

Порыв ветра качнул ее вуаль. Девушка поежилась и обняла себя за плечи.

– Погода портится, – заметил Рэйвен и снял плащ, чтобы укутать ее. – Ночью будет холодно.

– Вы правда поедете в этот Шаттергран? – спросила леди Ашими, прячась в плаще от зябкого ветерка и своего смущения.

– Откуда вы знаете об этом? – слегка удивился молодой человек. – Я еще сам не до конца решил. Кто-то уже растрезвонил?

– Левенстока все слышали, – леди Ашими пожалала плечами. – Говорят, он пророк. Хотя мой отец считает его просто сбрендившим стариком.

– Так вы слышали о нем прежде? – уточнил лорд Рэйвен. – А я вот сегодня впервые узнал о его существовании.

– А как же детские сказки? – улыбнулась девушка. – Про него много историй. Только называют его по-другому: Ходящий за горы.

– Так это про него? – рассмеялся Рэйвен, вспомнив целую серию сказок о похождениях глупого старичка. – Никогда бы не подумал. Такие дурацкие истории.

– Люди часто смеются над тем, чего не понимают, – сказала леди Ашими, подходя ближе к перилам, чтобы посмотреть вниз. – Однако, говорят, он вестник беды: все его пророчества готовят нас к трудным временам. Отец рассказывал мне об этом.

– А я ничего такого не слышал, – сказал Рэйвен, тоже облачиваясь на перила. – Чем он так знаменит?

– Он предсказывает мор, голод, стихийные бедствия и войны, – поежившись, сказала леди Ашими. – Только его предсказания всякий раз трудно отделить от прочей болтовни. Люди, которые ищут в каждом его слове осколки истины, непременно попадают в глупую ситуацию. Отсюда и столько смешных сказок. Как думаете, сказанное им сегодня имеет какой-то смысл?

Ашими наклонила голову так, чтобы вуаль чуть приот-

крыла ее лицо. Рэйвен встретил взгляд ее блестящих в сумерках глаз.

– Как бы то ни было, я не вижу ничего плохого в поездке в Шаттергран, – осторожно сказал он. – У нас нет посольства в краю смертных. Стоит организовать его хотя бы затем, чтобы обновить книги о культуре и истории смертных.

– То есть, вы все-таки едете, – Ашими отвела взгляд и стала смотреть на фонтан.

– Это пока не решено, – повторил лорд Рэйвен. – Может, я поеду, а может, кто-то другой.

– Но ведь Левенсток сказал, что именно вам нужно посетить этот край, – напомнила девушка. – Его все слышали – он так напугал нас своим явлением, что даже распоследние сплетницы хранили молчание, дожидаясь, что он скажет на этот раз.

– Обо мне и о посольстве он говорил как будто отдельно, – припомнил молодой лорд. – Трудно сказать, что он имел в виду: его речь так бессвязна.

– И все же Вы поедете, – грустно улыбнулась девушка. – Я это точно знаю, без всяких предсказаний – вижу, что Вас заинтересовала эта идея. Вот бы и мне тоже съездить хоть куда-нибудь. Новые люди, новые места...

Она мечтательно прикрыла глаза и вздохнула.

– Настанет и ваш час, – пообещал ей мужчина. – Уж ваше-то совершеннолетие не будут откладывать, как мое – десятилетиями.

– Кто знает, – нахмурилась девушка. – Отец меня так бережет...

– Вы же его единственное дитя, – напомнил лорд Рэйвен. – Но время идет. Как видите, даже я теперь волен идти, куда захочу. Ну, почти.

Они понимающе переглянулись и рассмеялись.

– Когда организуете там посольство, обязательно позовите меня, – попросила девушка. – Мне нравится мир смертных: он такой быстрый и текучий. Постоянно что-то создается и разрушается. А затем опять возрождается из пепла.

– Вы восхищаетесь ими? – уточнил Рэйвен.

– Я завидую их способности так быстро меняться, – призналась девушка. – И в то же время мне их жаль: отчего-то при всей их скорости развития они никак не могут создать стабильное общество. Мне бы хотелось организовать в Шаттергране что-то вроде школы. Я уверена, что эта их животная жестокость – плод неполноценного обучения и воспитания. А Вы как считаете?

Она обернулась к нему.

– Я пока никак не считаю, – уклончиво ответил лорд Рэйвен. – Я практически ничего о них не знаю – только то, что написано в книгах двухсотлетней давности. И если верить тем же книгам, то все эти знания уже безнадежно устарели. Пожалуй, мне бы и правда было интересно обновить знания.

– А потом непременно поделитесь со мной, чтобы я тоже могла безопасно съездить в край смертных, – попросила ле-

ди Ашими с обезоруживающей улыбкой.

– Непременно, – кивнул ей лорд Рэйвен, одновременно подумав о том, какая же она еще наивная. И вместе с тем очаровательная: хрупкая, утонченная, совершенно непохожая на других. Его Невеста.

Он посмотрел ей в глаза, но Ашими почти сразу смутилась и отвела взгляд. Такая прелестная... и несчастная.

Зачем отец договорился об их помолвке? Зачем обрек девушку на бесплодный брак? То есть, понятно, зачем. Но почему ее? Почему нельзя было выбрать какую-нибудь красивую глупышку с большими амбициями и ветром в голове?

Конечно, никто не мешает расторгнуть помолвку по собственному желанию, пойти прямо сейчас в зал и выбрать там одну из бесполезных вертихвосток на роль невесты для «галочки». Но это надо было делать сразу, а теперь...

Рэйвен представил реакцию Ашими на такие его действия и устыдился. Отец как-то умудрился со всей страны найти одну-единственную девушку, с которой Рэйвену было легко и приятно общаться. Единственную, которую было стыдно подвести.

– Вы странно смотрите на меня, – смущенно прервала молчание леди Ашими.

– Я думаю о дне, когда мы поженимся, – признался Рэйвен.

– Это случится не скоро, – еще сильнее смутилась девушка и даже отвернулась, пряча лицо. – Мне до совершенноле-

тия как минимум лет тридцать.

– Тридцать или пятьдесят – есть ли особая разница? – задумчиво сказал Рэйвен. – Если я уеду в Шаттергран на пару десятилетий, время для меня пролетит незаметно, я полагаю.

– Зато для меня оно будет тянуться ужасно медленно, – пробормотала девушка, теребя край плаща.

– А что, вы бы хотели, чтобы оно пролетело быстрее? – спросил Рэйвен.

Она глянула на него, хотела было что-то ответить, но вдруг схватила себя за щеки и снова отвернулась – видимо, в надежде провалиться под землю.

– Я совсем не это хотела сказать, – залепетала она перилам. – Я... Мы с отцом теперь так часто тут бываем... Я привыкла... Мне... будет вас не хватать. Это вовсе не из-за брака. Я не такая! Никогда не хотела влиться в правящую семью... Я самая обычная, и мне это нравится... Просто мой отец и ваш отец, они договорились... А я... я...

– Не нужно смущаться, я понимаю, – сказал Рэйвен как можно более мягким тоном. – Да и не такая уж из меня хорошая партия. Вас никто не неволит. Если захотите расторгнуть помолвку – можете сделать это в любой момент, никто не осудит. А если кто и осудит – я с ним лично поговорю, обещаю. Вы хороший человек, Ашими. Я рад, что родители нас познакомили.

Девушка, наконец, чуть повернула к нему голову и даже

коротко глянула ему в глаза из-под сбившейся вуали.

– Я... тоже рада, что познакомилась с вами, – тихо сказала она. – Лорд Рэйвен, вы самый... открытый человек из всех, с кем я когда-либо общалась. И вы будто читаете мои мысли. Хотя, наверное, это из-за разницы в возрасте – вы больше, чем в два раза старше меня. Я, наверное, кажусь вам очень глупой и наивной. Я буду работать над собой во время вашего отъезда, обещаю.

– Так вы не передумали быть моей женой? – уточнил он. – Жизнь в Доме Владык может быть очень скучной. В мире есть множество более интересных занятий. И вряд ли вы сможете в таком случае открыть школу где-то далеко в землях смертных. Вы уверены, что хотите обречь себя на участь ряженой куклы рядом с ненаследным Лаардом?

– Я буду рада служить моему лорду в любом качестве, – густо покраснев, сказала леди Ашими, а затем извинилась, торопливо откланялась и практически убежала, забыв поправить вуаль.

Рэйвен проводил ее задумчивым взглядом. Наверное, стоило быть честнее с ней и рассказать, что врачи пророчат ему бесплодный брак? Хотя как о таком можно рассказать женщине? Тем более, такой милой женщине. Тем более такой юной и еще такой эмоциональной женщине.

Молодой лорд вздохнул и решил, что, пожалуй, его больше ничего не держит здесь: Ашими почти наверняка весь вечер будет смущаться, а попасть в плен толпы прочих желаю-

щих породниться с семьей Лаард девиц ему не хотелось.

– Ты сегодня был таким пай-мальчиком, – голос раздался в пустой комнате, будто треск ветки в затихшем лесу.

Лорд Рэйвен вздрогнул от неожиданности и выронил стальное перо. Оно отскочило и поставило жирную кляксу. Клякса получилась в форме раздавленной каблукон бабочки.

– Напугала, – сказал он, оборачиваясь к сестре.

– Нет, правда, хорошо сыграно, – девушка подошла к столику и взяла печенье из вазочки, изящно придерживая широкий рукав бархатного домашнего халата: большой живот мешал ей подойти ближе и заставлял тянуться к предметам.

– Я не играл. Почти, – смутился Рэйвен, возвращаясь к разбору скопившихся бумаг.

– Ха. Кому ты это рассказываешь? – отмахнулась девушка, забрала всю тарелку и села с ней в ближайшее кресло, откинувшись усталой спиной на вышитые подушки. – Что это был за бред про то, что ты не знал об акустике зала? Ты этот дом знаешь лучше, чем его строители.

– Я хотел дать отцу еще немного почувствовать себя отцом, – пожал плечами лорд Рэйвен, бегло просматривая деловые документы.

– Знаешь, мне было бы неприятно, если б мой ребенок начал меня дурить, – нахмурилась девушка, поглаживая жи-

вот. – Пусть даже из лучших побуждений. Тебе надо было взять на вооружение мою стратегию и прикинуться вступившим в Буйный возраст.

– Каждому свое, – спокойно ответил Рэйвен. – Тебе проще играть сумасшедшую молодуху, а мне – прикидываться пай-мальчиком. Но суть одна: мы просто любим наших родителей.

– Мне кажется, отец не такой дурак, чтобы не понимать, – возразила Афлин.

– В таком случае, он подыгрывает мне еще более талантливо, чем я сам, – заметил ее брат. – А ты едва не переиграла, когда взялась организовывать революцию.

– Ну да, – смутилась девушка. – Харизмы не хватает для таких выходов. Но идея была классная, согласишься?

– Идея – да, оригинальная. Свежо. И наблюдать было весело, – он закончил раскладывать бумаги по стопкам и обернулся к сестре. – Где ты только набрала таких дур-революционеров?

– С акцентуацией нашего общества на семье и условностях поведения это было нетрудно, – отмахнулась она. – Ты будешь удивлен, но в других семьях девочкам с пеленок начинают рассказывать, какими чудесными они будут матерями, какой прекрасный у них будет дом, как они будут устраивать приемы, оформлять цветами сад, разбираться в ста оттенках сиреневого и шить своим детям самые очаровательные чепчики.

Афлин сделала «детский голос», проговаривая последние слова.

– Ах да, еще сказки про прекрасных принцев, которым Амок сорвал крышу! – спохватилась она. – Какой потрясающий сюжет, что позволяет каждой девочке надеяться стать частью правящей семьи. Ты знаешь, о чем болтают на девчачьих вечеринках?

– Даже знать не хочу, – лорд Рэйвен поднял руки в защитном жесте. – Упаси меня от этого ужаса.

Его сестра звонко рассмеялась.

– Тогда скажу кратко: ваш мужской «Трактат о любви» отдыхает. Девочки знают миллион и один способ зачать ребенка: начиная со стояния на голове после ночи любви и заканчивая натиранием себя фекалиями редких южных птиц.

– То-то я гляжу, ты так успешно справились со своей женской задачей, – он насмешливо поиграл бровями, глядя на ее живот.

– Дурак! – возмутилась Афлин и запустила в него подушкой. – Я-то как раз все по-человечески сделала и изучила «Трактат о любви» от корки до корки. А еще с десятков медицинских книг отца, посвященных работе репродуктивных орга...

– Так, погоди, – перебил ее брат. – Где ты взяла «Трактат о любви»? Только не говори, что старейшины выдали его тебе в читальном зале.

– Где-где, – передразнила Афлин. – Там же, где и все: в

палатах бракосочетания в Первую ночь.

– Это книга только для мужчин и дается жениху лишь раз в жизни, а читать ее положено в одиночестве. Только не говори мне, что ты наплевала на старинные традиции. – Рэйвен сложил руки на груди и осуждающе посмотрел на сестру.

– Ой, тоже мне праведник нашелся, – отмахнулась девушка. – Между прочим, читать ее вдвоем, как оказалось, гораздо эффективнее. А если еще и свадьбу назначить на определенный день цикла – то втройне эффективнее. А если подпоить во время свадьбы мужа кое-каким средством, то впятеро эффективнее. А если за три цикла до того начать принимать кое-что из запасов отцовской аптечки, а потом резко отменить в определенный день, то... Ммм?

Она многозначительно покачала перед братом круглым животиком.

– Ты чокнутая, – ужаснулся и одновременно восхитился Рэйвен, кладя руки на ее живот, где прямо сейчас совершалось таинство создания его племянника. Или племянницы.

– Я целеустремленная, – поправила его Афлин. – Мне нужен наследник. Да и родителям будет проще смириться с нашим взрослением, если у них появится внук. Ты вон уже так устал от их любви, что готов сбежать к смертным и коллекционировать там вшей и прочих паразитов.

Она сделала вид, что ее передернуло от омерзения.

– Но мне правда интересно. – Рэйвен нащупал сквозь живот маленькую пяточку и погладил ее, а пяточка в ответ два-

жды толкнула его руку. – То, что пишут о смертных в книгах, слишком быстро устаревает, ведь их общество так стремительно меняется: то они строят замки, конструируют фонтаны и делают механические подъемники, то вдруг почти полностью вымирают от чумы, сжигают все и, как фениксы, возрождаются из небытия, принимаясь развивать свое общество заново. Мне любопытно посмотреть. Если я правильно понял, мне повезло родиться почти в начале этого цикла.

– А я уж было подумала, что ты и правда решил поискать свой потерянный Буйный возраст, – рассмеялась Афлин, потрепав брата по плечу.

– Еще скажи, отправиться на поиски Амока, – фыркнул Рэйвен.

– Почему бы и нет? – пожала плечами девушка, садясь обратно в кресло. – Интересный жизненный опыт. Если б Амок случался у женщин, я бы обязательно поехала по стране в поисках своего Единственного.

– Ты же знаешь: врачи считают, что дети мне не светят, – напомнил Рэйвен. – И ты бы поосторожнее со снадобьями отца: не удивлюсь, если проблемы с моим здоровьем – это последствия его экспериментов по повышению фертильности.

– Фу, какие мерзкие термины, – Афлин передернуло уже по-настоящему. – Что касается твоей потенциальной бездетности, это только предположение. Или хочешь сказать, что уже успел тайно жениться и проверить? Хотелось бы по-

смотреть, кто и с каким лицом пересказывал тебе для этого «Трактат о любви». Там такие пикантные моменты есть...

Она хмыльнулась и поиграла бровями.

– Нет, я предпочитаю действовать в рамках традиций, – отверг ее фантазии брат. – Когда пойму, что время пришло, тогда и женюсь. А пока у меня нет уверенности в том, что это правильно по отношению к Ашими.

– Ей только про бездетность не рассказывай, – закатила глаза Афлин.

– Предлагаешь врать? – насмешливо склонил голову Рэйвен.

– Не врать, а просто не поднимать эту тему, – посоветовала девушка. – Тем более, что стопроцентной уверенности в твоей мужской слабости ни у кого нет.

– А еще лучше – не жениться, – хмыкнул брат. – И вообще, ты сама только что жаловалась, что общество зациклено на размножении, а теперь втюхиваешь мне идею женитьбы. Мне не нравится эта тема.

– Тебе вообще ничего не нравится. Как ты там сказал отцу? «Пустота внутри»? Серьезно? Ты так представляешь себе речь людей, вступивших в Буйный возраст?

– Это Левенсток немного выбил меня из колеи, – смутился Рэйвен. – Надо было как-то уговорить отца отпустить меня. Вот я и... подыграл Лэйкери.

– И теперь они оба считают тебя юным придурком, – рассмеелась Афлин.

– Главное, что сработало, и меня отпускают без очередного скандала на тему здоровья, – ответил Рэйвен, убирая пишущие инструменты на долгое хранение. – Мне порой кажется, что я выздоровел бы гораздо раньше, если бы не слышал постоянно разговоры на эту тему.

– Ты только сейчас это понял? – хмыкнула Афлин. – Беги отсюда, братишка. Я рожу им внука, они переключат свое внимание, и ты, наконец, освободишься от сыновьих обязанностей. А я займусь своими идеями.

– Ребенком ты займешься, – фыркнул Рэйвен. – Утютюлями, пупусечками, титечками и попочками.

– Фи! – скривилась Афлин. – Какой ты сегодня гадкий, все-таки.

– А ты – наивная, – он щелкнул сестру по носу.

– Я старшая, – она наступила ему на ногу.

– Ау. А вот это было лишним. По нерву каблуком попала, – он прикрыл глаза и глубоко вдохнул, пережидая болевой приступ.

– Извини, – искренне покаялась сестренка. – Я думала, ты отскочишь. Раньше всегда отскакивал.

– Раньше – это когда? Лет пятьдесят назад? – уточнил он.

– М-да, – протянула она. – Как-то мы быстро выросли. Даже немного грустно. И ты уезжаешь.

– Я ненадолго, – пообещал он.

– Не больше, чем на пятнадцать лет, – потребовала сестренка. – И чтобы каждое лето приезжал посмотреть, как рас-

тет племянник. С гостинцами из других стран. Будешь самым любимым дядюшкой-путешественником.

– Никаких пятнадцати лет! – раздался третий голос, и в комнату вошла леди Лютиэль. – Год, не более. С твоим здоровьем шутить нельзя. Приедешь как представитель семьи Лаард, организуешь постоянное посольство, а потом пришьем туда кого-нибудь менее значимого.

– Ну, начинается, – не шевельнув губами, прошептал сестре Рэйвен. – Беги.

– Да, я пойду, пожалуй, – сказала она, сочувственно хлопав его по плечу, и выскользнула из комнаты, не забыв пожелать матери спокойной ночи. Но та даже не заметила.

– Рэйвен, ты что, уже начал собираться? – ужаснулась она, заметив прибранный стол.

– Просто привел дела в порядок, – ответил ей сын. – Давно хотел все разложить по полочкам, да повода не было. Вот и нашелся.

– Сынок, не торопись, – женщина подошла ближе и принялась поправлять воротник на его халате, чтобы закатать поплотнее. – Не убегут от тебя эти смертные. Я понимаю: ты загорелся идеей. Но...

Она перешла на укоризненный тон:

– Конюх сказал, ты уже велел ему подыскать выносливых лошадей для путешествия. А повар получил заказ на пищу для долгого хранения. Куда такая спешка? Тебя там никто не ждет. Еще нападут. Надо их хотя бы предупредить. Тем бо-

лее, снег лишь недавно стоял. Там, наверное, еще страшная грязь. Эти смертные совершенно не следят за дорогами.

– Не беспокойся: завтра отправим гонца с письмом, – ответил лорд Рэйвен. – Я никуда не тороплюсь, мам. Гонец спокойно съездит, предупредит. Вернется, расскажет мне о погоде, дороге, прочих неожиданностях. Я спокойно соберусь и поеду. Ну да, я отдал приказ готовиться. Но к определенной дате – к концу месяца.

– Месяц заканчивается через две недели! – ужаснулась женщина. – Куда ты так торопишься, сынок? Дождись хотя бы, пока Афлин родит.

– Афлин будет рожать в середине лета, – напомнил он. – Когда родит, все месяц будут праздновать, и ты скажешь, что опять не время. А там погода испортится. Не поеду же я с моим здоровьем сквозь слякоть или по морозу?

– Вот именно, куда торопиться? – развела она руками. – Надо подготовиться. Людей подобрать, одежду новую сшить, курс лекарств пропить. Съездишь на следующий год, никуда твой Шаттергран не убежит. Если вообще еще будет интересен.

– На следующий год у них уже война может случиться – ты же знаешь, как у смертных быстро все меняется в этом направлении, – возразил Рэйвен. – Надо успевать, пока все тихо.

– Но почему именно ты? – не сдавалась леди Лютиэль. – Левенсток посоветовал тебе обзавестись друзьями, он не го-

ворил, что именно ты должен организовать посольство. Он сказал это отдельным предложением. Пророков часто трактуют неправильно. Почему ты вдруг решил, что ехать должен ты?

— Кто-то же должен, — пожал плечами Рэйвен. — А я все равно ничем не занят. Мне кажется, это судьба. Ты сама часто говоришь о судьбе, о предназначении. Вот и мое время настало.

— Не передергивай! — леди Лютиэль сдвинула брови. — Боги не дали тебе крепкого здоровья, чтобы ты не покидал семью. Твое предназначение в чем-то другом. Твое место — здесь, рядом с нами.

Рэйвен вздохнул, но быстро подобрался и попробовал снова:

— Мам, а что, если Левенсток все-таки имел в виду меня? Что, если все, сказанное им сегодня — связано. И про меня, и про друзей, и про посольство.

— И про карлаков? — насмешливо уточнила мать. — Не смей меня: где карлаки, и где Шаттергран. Одни на севере от нас, другие на юге.

— Нет, ну, положим, карлаков он упомянул все-таки случайно — я слышал, он их изучал последние несколько лет, так что неудивительно, — отмахнулся молодой человек. — Я говорю о другом. Вот смотри: мы можем отправить в Шаттергран другого человека. Но если вдруг имелся в виду именно я, то мы упустим нечто важное. И история пойдет не так, случит-

ся беда. Боги не зря присылают нам предзнаменования.

– Я знаю, что ты не веришь в богов, и говоришь это только затем, чтобы со мной поспорить, – поджала губы его мать.

Лорд Рэйвен снова украдкой вздохнул, набираясь терпения.

– Пусть так. Да, я не верю в богов, – признался он. – Но это не отменяет сказанного. Ты-то веришь. И веришь в пророчества людей вроде Левенстока. А он прямым текстом посоветовал мне съездить в Шаттергран. И тут же сказал, что там надо организовать посольство. Даже если не обязательно я должен его организовать, он в любом случае посоветовал мне туда съездить – ты сама это прекрасно слышала. А в статусе дипломата ехать безопаснее.

– Он про Лисс просто так сказал, я уверена, – стояла на своем женщина. – И вообще, он названия путает. Может, этот Лисс – вообще деревенька какая-нибудь к западу от нас – там много всяких мелких поселений.

– Ну и кто из нас передергивает? – не выдержал лорд Рэйвен. – Мама, я все решил. И я поеду. Если не с твоего разрешения, то с совершеннолетнего произвола.

– Т...ты... Ты! Не посмеешь! – ее голос так повисился, что сорвался в конце фразы. – Не смей перечить матери! Ты гневишь богов!

– Э-эх, – уже не скрываясь, устало вздохнул Рэйвен: споры с матерью и ему, и сестре давались особенно тяжело, потому что все аргументы неминуемо разбивались о тему богов.

– Остановись, Рэйвен, одумайся! – она вскинула руки. – Послушание родителям – есть часть служения богам. Ибо боги завещали нам законы, а родитель передает закон своему ребенку. Так было испокон веков, и всякий, кто нарушает эту традицию, карается судьбой за свою дерзость. И каждый...

– Еще немного, и я возьму на вооружение стратегию сестры, – пробубнил он себе под нос, но мать не слышала, увлеченная своим монологом.

– ... по пути избранному. Живущий по законам божиим да ощутит счастье, а всякий, кто спорит, будет наказан. И я не посмотрю, что ты совершеннолетний – не слушаешься, я запрю тебя в твоей комнате на неделю! Твое совершеннолетие очень условно: мы согласились его признать только потому, что откладывать в очередной раз было неловко – и так уже люди начали болтать всякое. Но здоровье твое еще не совсем окрепло, а значит, ты не можешь принимать подобные решения. Здоровье – это знак богов. Они говорят тебе: сиди дома, лечись и учись у старших.

– Как ты можешь быть такой суеверной, будучи образованной? – прервал, наконец, этот словесный поток Рэйвен, не выдержав. – Где был твой бог, когда ты была беременной? Почему не излечил невинное дитя? В чем я провинился, будучи еще в утробе?

– Это наказание не тебе, а нам с отцом, – ответила она. – Это мы страдаем, видя, как страдает наше дитя.

– Правда? – Рэйвен окончательно вышел из себя и перешел на издевательский тон. – Может, хватит уже выдавать желаемое за действительное? Так что угодно можно перетянуть под религиозную тему. Однако как бы тебе ни хотелось услышать другое, но это я, а не вы, страдал десятилетиями. от боли и страха смерти. Ты говоришь, что страдала? Но ты смотрела со стороны.

Преисполненный возмущения, он даже повысил голос:

– И знаешь, что? Я не хочу верить в твоего бога. Мне гораздо проще смириться с мыслью, что произошедшее со мной случайность, природный сбой или человеческий недо-смотр, а то и кое-чья самонадеянность, чем верить в бога, который намеренно причиняет детям зло.

– Ты вышел из себя и несешь чушь, – женщина поджала губы. – Я не хочу этого слышать.

– И вот так всякий раз, заметь, – он ткнул в ее сторону пальцем. – Стоит только привести серьезные аргументы, как ты сразу говоришь: это все клевета, словоблудие и уловки, чтобы сбить нас с пути истинного. А как ты хоть выбрала-то этот путь? Почему веришь в Изначального бога? Почему не в богинь-сестер, не в Великую мать, не в Царя морского края, не в леших и не в Души песков? Верований в нашем мире множество. Почему ты выбрала одно и отвергла другие?

– Ты задаёшь детские вопросы, – покачала головой женщина. – Разумеется потому что есть лишь один Бог – тот, с кого все началось. Остальные – лишь детища его и челове-

ческие выдумки.

– Но ведь и он сам не более, чем выдумка, призванная объяснить появление жизни на этой земле, – возразил Рэйвен. – Но однажды наука найдет ответ и на этот вопрос, и твоя религия станет лишь набором суеверий, не более.

– А я уверена, что наука лишь объяснит, как именно Он сотворил мир, – стояла на своем леди Лютиэль. – Он ждет нас там, в небесных чертогах. Ждет, когда мы созреем и станем воистину Его детьми. Ибо Вселенная полна одиночества, и боги создают себе подобных в надежде обрести родную душу.

– Что же он тогда просто не откопировал себя, если так велик? – фыркнул Рэйвен.

– Сынок, ну сам подумай: зачем ему точная копия? – его мать снова перешла на ласковый тон убеждения. – Беседовать с отражением в зеркале не так уж весело. Я уверена, что он заронил семя разума, чтобы из него вырос достойный собеседник – не копия, а уникальное существо, а то и целая раса. И мы должны стремиться к идеалу, даже если это кажется невозможным. Мы должны благодарить Его за испытания, которые делают нас лишь мудрее и чище.

– Лично я никому ничего не должен, – отрезал Рэйвен. – Пожалуй, даже наоборот: это твой бог задолжал мне награду за испытания, что я прошел.

– Замолчи! – ужаснулась она. – Он слышит тебя.

– Что, правда? – издевательски переспросил ее сын. – Эй,

Изначальный бог, или как там тебя? Если ты есть, ниспошли же мне скорее свою волю – награди или подкинь еще испытаний за дерзость. Вот он я, готов.

Рэйвен вскинул руки к потолку под испуганное лепетание матери и принялся поворачиваться, притворно ища изменений в окружающем пространстве:

– Ну, что же ты молчишь? Где твои знаки, бог? Где гром и молния? Видишь, мам: все это дурь и суеверия, – опустил он руки, так и не дождавшись знака свыше, и сел в кресло, после чего снова вынул из стола писчие принадлежности: на него вдруг напало жгучее желание самому написать письмо в Шаттергран.

– Не гневайся на моего сына, о Великий! – тем временем забормотала леди Лютиэль, падая на колени и запрокидывая голову к потолку. – Он еще совсем молод и, похоже, так и не вышел из Буйного возраста. Не слушай его пустые слова. Он сказал их лишь в пику мне. Это моя вина: я неправильно донесла до сына суть веры. Наказывай меня, а не его!

– И опять-таки ни грома, ни молний, – насмешливо заметил Рэйвен, принимаясь оформлять шапку письма. – Мама, ты выглядишь глупо. И мне стыдно за тебя.

Он демонстративно придвинул стул еще ближе к столу, показывая, что занят.

– Я пойду, – устало и сердито ответствовала женщина, закончив молитву и осенив благословением непослушного сына. – Ты не в том настроении, чтобы слышать собеседника.

– Но ведь и ты меня не желаешь слышать, – возразил он, не оборачиваясь.

– Все, я ушла, – сказала леди Лютиэль уже из коридора.

– Да-да, и вот так всегда, – пробормотал он, покачив головой. – Хорошо хоть, не заперла меня. А то опять пришлось бы в окно лезть.

В комнате, наконец, установилась тишина. Некоторое время она не нарушалась ничем, кроме дыхания и задумчивого постукивания большим пальцем по столу. Затем раздался звук касания металлом о чернильницу и скрип размеренных движений пера по бумаге.

Витиеватые буквы одна за другой ложились на плотный лист. Без всякой подложки лорд Рэйвен выводил идеально ровные строчки, попутно украшая их графической разметкой своей семьи, а кое-где и официальным вензелем.

Потом перо вдруг замерло, лист был приподнят для перечитывания написанного. Раздался недовольный вздох, лист был согнут пополам и полетел в корзину для бумаг, а перо вновь заплясало по бумаге, снова и снова выводя вензеля и ровные строчки букв.

Спустя четверть часа скрип пера был нарушен негромким стуком и звуком открывающейся двери.

– Отец, вы не могли бы после стука дожидаться вопроса «Кто там?», – не оглядываясь, с невеселой улыбкой спросил лорд Рэйвен.

– Зачем ты опять с ней поругался? – словно не обратив

внимания на это замечание, сказал лорд Адриэл, проходя в комнату и садясь в кресло.

– Я не ругался, я отстаивал свои позиции, – поправил его Рэйвен, откладывая перо. – Ты пришел запереть меня по ее просьбе, верно? Она была возмущена так сильно, что забыла об этом, а придя в себя, полагаю, вспомнила.

Отец вздохнул, и ключи звякнули о стеклянный столик.

– Она просто переживает, – пояснил он. – Если вдруг с тобой что-то случится...

– Со мной и здесь может что-нибудь случиться, – Рэйвен развернулся к отцу.

– С гораздо меньшим шансом, – возразил тот.

– Однако, не нулевым, – стоял на своем молодой человек. – И что тогда? Она также будет убита горем. Разница лишь в том, что в одном случае она будет жалеть, что отпустила, а в другом – сожалеть, что запрещала мне такую ерунду, как поездка в Шаттергран. Значит, особой разницы нет. Для вас, по крайней мере.

– Твои аргументы шиты белыми нитками, – недовольно фыркнул лорд Адриэл.

– А ее аргументы сводятся к одной фразе: я права, за мной Бог, – лорд Рэйвен сложил руки на груди и выжидательно посмотрел на отца. Тот вздохнул.

– Она считает себя виноватой в твоей болезни, – сказал он. – Поэтому и ударилась в религию – религия искусственно прощает то, что сам себе простить не можешь.

– Я знаю, – ответил Рэйвен. – И мне кажется, я достаточно дал ей пострадать. Пора бы заняться чем-то другим, ты так не думаешь? Нам всем.

– Тебе действительно понравилась идея посетить Шаттергран? – с сомнением в голосе уточнил лорд Адриэл.

– Мне действительно понравилась идея посетить хоть что-нибудь, – после паузы признался ему сын. – Я давно об этом думал. Может быть, сегодня за обедом я не совсем так выразился, как хотел... Немного по-детски получилось.

– Я заметил, – хмыкнул отец. – Ты так хотел перетянуть ситуацию на свою сторону, что переборщил.

– А сестра думает, что ты ничего не понимаешь, – улыбнулся в ответ Рэйвен.

– Твоей сестре еще расти и расти. Буйный возраст в самой его красе, хотя она успешно делает вид, что это не так, – ответил лорд Адриэл.

– А что насчет меня? Правда думаешь, что я пропустил этот этап? – Рэйвен внимательно посмотрел на отца.

– Какая разница, что я думаю? – пожал тот плечами. – Вижу, ты уже загорелся этой идеей.

Он кивнул на три варианта письма в Шаттергран.

– Могу рассмотреть любое другое столь же интересное предложение, – ответно пожал плечами лорд Рэйвен. – Пустыни и призраки запада, сверкающие пески юга, мрачные леса востока. Небесную гавань и полумифическое Море Забвения тоже поищу с удовольствием. На север только не тя-

нет: там людей нет, только какие-то карлаки. Которые, как сказал Левенсток, «больно кусаются». Ну и хашиги, разумеется. Вот к ним точно не хочу.

Он невольно вздрогнул, вспомнив о северных соседях.

– М-да, – протянул лорд Адриэл. – Ты прав, Шаттергран не такой уж плохой вариант. По крайней мере, это недалеко. И я с удовольствием с тобой съезжу.

На несколько секунд в комнате воцарилось молчание. На лице лорда Рэйвена не отразилось ничего... Кроме того факта, что на нем **СОВЕРШЕННО** ничего не отразилось.

– Не ты один устал от религиозных проповедей, – со вздохом пояснил его отец, закидывая в рот печенье, которое стояло здесь специально для него и Афлин. – Мне тоже надо развеяться. Я когда-то уже бывал у смертных – когда мы подписывали с ними мирный договор. Точнее, когда мы им объясняли, что это вообще такое – мирный договор.

Он слегка улыбнулся, вспомнив что-то.

– Тогда нам понадобится два камердинера, – еще немного помолчав, сказал наконец лорд Рэйвен.

– А еще повар, конюх, прачка и охрана, – добавил его отец.

– Не многовато народу? – нахмурился молодой человек.
– Сам говоришь, смертные могут посчитать это боевым отрядом.

– А если охраны будет маловато, они могут посчитать это знаком нашей боевой несостоятельности, – возразил лорд Адриэл. – Но ты прав, народу многовато. Думаю, функции

прачки и камердинера можно объединить.

Брови лорда Рэйвена поползли вверх.

– А что ты хотел? – сказал ему отец. – Походные условия, минимум комфорта.

– К минимуму комфорта я как раз готов: изначально собирался брать с собой только Лэйкери и одного лакея, – не моргнув глазом, ответил сын. – Я удивлен, что ВЫ опускаете планку.

– Это же смертные, – отмахнулся лорд Адриэл. – Для них твоя домашняя одежда – уже праздничный царский наряд.

Он махнул рукой на стеганый халат сына из бархата насыщенно-вишневого цвета.

– Неужели все так плохо? – не поверил молодой человек. – Не могут же разумные люди ходить в обносках и поклоняться домашнему халату.

– Наряд Левенстока помнишь? – лорд Адриэл неопределенно повел пальцами в воздухе, изображая то ли рваную робу, то ли грязные штаны. – Вот примерно так смертные и одеваются. Вши, дурные запахи и немытые головы. И это неудивительно, если большую часть их жизни составляет бестолковое детство и немощная старость. А в их разумности в период так называемой «зрелости» у меня большие сомнения. Все еще хочешь туда поехать?

Лорд Рэйвен глубоко задумался.

Арт по лорду Адриэлу

Глава 3.

- Жара, - протянул Хабар, стаскивая кожаную куртку и бросая ее на спину плетущейся рядом тяжело нагруженной лошади. – Эй, Бени, может, по пивку?

- То, что продают в этой забегаловке – не пиво, а моча с дерьмом. Не останавливаемся. И вообще, сколько раз говорить: не Бени, а командир, - всадник, что ехал впереди всех, устало сплюнул под копыта своей лошади, что месили пыльную землю.

- Да какая разница-то? – пожал плечами Хабар. – Как зовут, так зовут, чего обижаться? Этот твой «командир» - не по-нашему звучит, на язык не просится.

- Что мне на язык сейчас просится – то тебе лучше не слышать, - пробурчал под нос командир. – На вот, водичкой освежись. Ехать четверть часа осталось.

Рука в кожаной перчатке с силой плюхнула бойцу в грудь полупустую фляжку.

- Я не пить, я выпить хочу, - отверг предложение Хабар. – Вода у меня и самого есть – полная фляга.

- Ну, нет так нет.

Рука в черной перчатке, не задерживаясь, закинула флягу обратно на плечо и дернула вожжи, заставив лошадь двинуться вперед. Командирское настроение сегодня явно было не лучшим.

- Мне дай тогда, моя закончилась, - попросил Гнедой, протянув руку. – Пить охота, страсть.

- Хрен тебе. Еще заражусь чем-нибудь, - скривился Хабар. – Ты полночи с этой кривой шлюхой лизался. Буэ!

Он изобразил рвотный порыв. Воины за его спиной заржали: шлюха и правда попалась на редкость страшная. Но после двух месяцев шатания по Пирейским полям под гнетом полной воинской амуниции никто и не глядел на лицо чудом попавшей в лагерь бабы. Согласна – и ладно. Глаза закрыл, и все чудесно.

- Че, завидно? – хмыкнул Гнедой. – Она, может, на рожу и кривая, да внутри, поди, все одинаковые.

- Да для тебя вообще все одинаковые: что с кобылой, что с бабой – не отличишь. Где ты только таких находишь, - Хабар сплюнул и дернул лошадь в сторону, чтоб отошла от бывшего приятеля подальше.

- Я-то хотя бы нахожу. И с вами делюсь. А ты – жлоб и шкура, - ответил Гнедой.

- Ах ты сссука!

- Я щас обоим плетей всыплю! – донеслось до них командирское рычание. – Хабар, заткни хлебало. А ты, Гнедой, мне новое одеяло должен. Это ж надо было додуматься: разложить бабу прямо в моей постели!

- Не, а че такого? Она на людях не соглашалась, а Ваша палатка была пуста, - развел руками Гнедой, оправдываясь.

Командир тяжело спрыгнул на землю, грохнув амуници-

ей, и сделал два угрожающих шага в сторону провинившегося парня:

- Повторяю для тупых: никаких баб во время боевых действий. Тем более, в командирской палатке. Без приказа! Запомнить всем: в походе я – ваша единственная баба. Приспичило? Снимай штаны – отхожу так, что сидеть больно будет. Хошь – плетью, а не хошь – копьём могу.

В кожаной перчатке, обшитой снаружи куском старой кольчуги, неведомым образом оказалось древко видавшего виды копья, а его отполированный конец был подсунут для демонстрации прямо под нос Гнедому. Отряд, как по команде, отодвинулся от командирского гнева подальше. Однако реакция у народа была в основном веселой.

- Да понял я, че так орать-то? – забухтел Гнедой, опустив глаза.

- Ответ неверный, - копьё крутанулось в руке, а в следующую секунду парень получил удар по уху – к счастью, всего лишь древком и по касательной.

- Ау! – вскрикнул он, схватившись за ухо.

- Опять неверный, - копьё снова крутанулось и прицелилось.

- Понял я! – Гнедой вытянул руки в защитном жесте. – В смысле, так точно! Одеяло новое куплю, самое лучшее!

- Не надо мне лучшее, - командир вернул копьё на сбрую своей лошади. – Мне надо такое же, только новое.

Он швырнул гнедому комок, перетянутый веревкой – то

самое одеяло.

- А это себе оставь. На память о «возлюбленной».

По отряду разнеслись короткие смешки.

- В общем так, - прервал их веселье командир. – Мы все равно уже в городе. Я в кузню и домой. Кому не терпится, можете тоже валить по домам. Но если завтра оружейная не будет наполнена вашей начищенной до блеска амуницией и остро отточенным оружием...

Тяжелый взгляд черных глаз многозначительно прошелся по присутствующим.

- В общем, вы и сами знаете. Всем хорошего вечера. Увидимся завтра на вечерней тренировке.

По отряду пронеслось недовольное ворчание, но спорить никто не стал. В конце концов, к вечерней тренировке можно успеть протрезветь. Если не уходить в запой, конечно. Мужики еще немного поворчали, затем коротко распрощались друг с другом и двинулись в разные стороны: они как раз оказались на одном из центральных перекрестков. Кроме одного воина, ухваченного командиром за рукав:

- А с тобой давай-ка отдельно перемолвимся, Хабар. Тебя ведь Арык подослал, верно?

- Че? Меня? Подослали? Бени, с чего вдруг? Мы ж с тобой друзья!

Боец, деланно развеселившись, замахал кулаками и в шутку толкнул командира в плечо. Но ответной дружеской оплеухи не последовало.

- Переборщил ты с желанием задружиться, - тихо и угрожающе сказал командир. – Дерьмецом попахивает. Признавайся: кого подкупил, чтобы ко мне в отряд попасть?

- Бени, не гони: я по чесноку отбор прошел. Все видели: я каждый прием знаю и команды все.

- Знаешь, да не уважаешь, - тихо пояснил командир. – Как будто не изучал их плечом к плечу с прочими претендентами, а подсмотрел, да с бумажки выучил. А имя свое после отбора тайно в список добавил.

- Бени, да ты че? – уже всерьез разволновался боец. – Я и писать-то не умею.

- Потому и спрашиваю, кого подкупил, - продолжил командир. – Циник такого, как ты, никогда бы в отряд не принял.

- А че я такого сделал-то? Я бился лучше всех! Блин, да если б не я, вы бы и одной деревни не захватили.

- Мне не нужны были эти деревни, - тихо и угрожающе пояснил командир. – Точнее, они нужны были мне целыми, со скотиной и жителями. Всеми жителями, кроме таких же упоротых живодеров, как ты.

- Живодеров? Кто тут живодер? – наконец, всерьез возмутился Хабар. - Не по твоему ли приказу Бельгу Сизого хреновы беспризорницы швейными иглами утыкали, как ежа? А он всего-то поигрался с одной из твоих никчемных девок. Да она за такую честь еще заплатить ему должна была! Кому она нужна, сикуха? Сама на него полезла!

- Девочка сказала «нет», - все также тихо пояснил командир. – Четко и ясно. Не понимаете слов, буду объяснять через боль. И тебя спрашиваю последний раз: кому ты заплатил, чтобы тебя записали в отряд?

- Бени, своло... - снова начал было Хабар, но его перебили:

- Ответ неверный: так меня зовут только отец и сестры. И Арык, мой брат.

Черная фигура сделала быстрое движение, и Хабар, удивленно хлопнув обгорелыми ресницами, начал оседать на землю, поливая ее кровью и дерьмом из настежь распахнутого живота.

- Зачем вы так... прямо на улице? – тихо прокомментировал здоровенный детина в кожаном фартуке и с ожогом на пол лица, стоявший в дверях кузни и наблюдавший сцену.

- Это не я, - не моргнув и глазом, сказал командир, обтирая нож. – Это пришлый головорез на хабар позарился. Головореза не нашли, хабар – тоже.

Он кивнул на оставшуюся бесхозной лошадь с большими тюками, притороченными к седлу. Глаза кузнеца заблестели – пониманием и алчностью.

- Да, - сказал он. – Какая жалость: знатный боец перебрал пива и так глупо погиб в стенах родного города. Может, выпьем за упокой души?

Махнув рукой подростку-помощнику, чтобы оттащил тело в канаву, кузнец откинул тряпицу, прикрывающую вход,

и жестом пригласил гостя войти.

- Пить не буду. А вот дело обсудить надо, - кивнул командир, вошел в помещение, стянул с себя шлем и покрутил головой, разминая уставшую шею. Из-под шлема посыпались длинные черные волосы: прямые – в пикку местным густым кудрям, блестящие, но ужасно грязные. Паренек-служка уставился во все глаза на дитя Дегеды Мудрого: нечасто встретишь на улице обитателя Палат.

- Ну, как Вам кольчуга? – поинтересовался кузнец, оглядев краешек своего творения, что не был прикрыт плащом.

- Плохо, - ответил командир низким и очень сиплым голосом – совершенно непохожим на тот, что люди слышали от него еще пару недель назад. – Тяжелая очень.

- Ну так, при Вашей комплекции, - пожал плечами кузнец. – Сила не та, кости тоньше, и вообще...

Вместо ответа командир прошел внутрь кузницы, осмотрелся там, взял самый большой молот и, закинув его на плечо, пошел на хозяина, тяжело ступая походными сапогами.

- Я сегодня не в настроении. Предупреждаю только один раз, - мрачно пояснил гость и слегка подбросил молот. Тот сделал оборот в воздухе и с шелестом вернулся точно в мозолистую ладонь.

- Понял, - ответил кузнец, побледнев. – Но как же, простите, облегчить вес кольчуги? Если я сделаю кольца тоньше, они не смогут сдержать удар. А ежели короче делать – то ноги не защитить.

- Начни с металла, - велели ему, бухнув молот на колоду.
– Металл у тебя ни о чем: гнется под легким ударом. А сделанный тобой меч зимой разлетелся на осколки, стоило ему встретиться с топором этих варваров. Попробуй что-то новое: жар усиль, или куйте дольше, или добавь что-нибудь. Да что я тебе советую, кто из нас кузнец? В таких кольчугах новобранцы даже бежать с поля боя не в состоянии, не то что драться. Считай, что это государственный заказ. Справишься – прославишься, не справишься... Ну, сам понимаешь. Если мои ребята умирают по твоей вине, то ты, выходит – государственный изменник.

- Д..д... - кузнец побледнел и принялся задыхаться. – А что я? Испокон веков так ковали. Все так куют. А я что? Как научили, так и делаю. Я ж не Вы, не ученый я. Даже грамоте не обучен.

Совсем уже было развернувшийся к выходу командир сделал выпад в его сторону, ухватил мужика за обожженную бороду и угрожающим шепотом сказал:

- Так найми тех, кто обучен. Как хвалиться на весь город, что ты лучший кузнец в округе – так тут ты мастер, а как что серьезное заказали – так сразу «не ученый я».

Договорив, гость с силой оттолкнул мужика. Тот от неожиданности оступился, споткнулся о стоявшее позади ведро с водой и плюхнулся на задницу. Паренек-служка сделал вид, что ничего не заметил. Повисла пауза. Затем раздался вздох.

- Как все достало, - сказал командир и повернул голову, вглядываясь в постепенно темнеющее небо в окошке. – Одно и то же каждый день. И ведь не глупые, вроде, люди: можете и горы свернуть, и реки вспять поворотить, и пустыню озе-ленить... Но лень. Лень, упрямство, безграмотность и стад-ный инстинкт. Эхх... Можно устать от одних только ваших тухлых рож.

Кузнец не нашелся, что на это ответить. Но гость и не ждал ответа. Еще раз тяжело вздохнув, он вышел из-под на-веса, забрался обратно в седло, и развернул лошадь в сторо-ну Палат. Копыта неспешно зацокали по булыжникам. Паренек с восхищением уставился вслед удаляющейся фигуре. Позови, и побежит следом.

- Совсем того, - пробурчал кузнец, поднимаясь с пола и отряхиваясь. – И с каждым годом все страшнее – и рожей, и делами. Куда Дегеда смотрит? Постарел наш мудрец. Давно пора Арыку жезл передать. А то того и гляди это недоразу-мение на трон сядет. Тьфу!

Он смачно харкнул на дорогу и ушел в дом. А паренек остался глазеть на удаляющуюся городскую легенду. Мнение о ней у него осталось двоякое. Но очень сильное.

- Добрый вечер, леди Кеттелин, - вышколенный малый лет двенадцати поприветствовал усталую женщину, что вошла в ворота, ведя на поводу лошадь, и торопливо принялся раз-бирать сбрую.

- Привет, Орешек, - сказала женщина и потрепала мальчика по кудрявой голове.

Взрослые конюхи, что сидели неподалеку у костра и жевали ужин, насмешливо глянули на его старания: помогать не ринулся никто.

- Как ребята? – негромко поинтересовалась та, которую называли леди Кеттелин, помогая ему отстегнуть сумки.

- Все нормально, все здоровы, - отрапортовал Орешек. – Тыковка опять была вместо Вас.

- Не вместо, а вместо, - поправила его женщина. - Вот и хорошо. Ребята ее слушаются?

- Ну... так, - неопределенно пожал плечами мальчик. – По большей части.

- Понятно, - кивнула женщина. – Ну, пусть тренируется тогда, ей полезно.

- А как же Вы? – испугался Орешек, прижав к себе седло.

- А что я? Я сегодня тут, а завтра мне голову отрежут где-нибудь в переулке. Учитесь потихоньку справляться и без меня. Чай, не маленькие уже, - ответила леди Кеттелин.

- Но... но без Вас никак! – мальчик еще сильнее прижал к себе седло, будто защищаясь им от превратностей судьбы.

- Так я же ничего в Доме не делаю, - рассмеявшись, напомнила женщина. – Вы давно уже и сами знаете, где чьи обязанности. Без меня разве только самого Дома не будет. В смысле – выставит вас Арык, стоит только отцу покинуть этот мир. А отец на тот свет пока не собирается. Так что и

беспокоиться не о чем. А и когда будет, о чем, так вы знаете, что делать: девчонок да малышей забрали и топ-топ-топ на поиски нового Дома.

Паренек хотел было что-то ответить, но, подумав, закрыл рот и опустил голову.

- Чего расстраиваешься? – снова взлохматила его женщина. - Не видишь: настроение у меня плохое. Беги к себе. Со мной сегодня лучше не разговаривать: только гадостей наговорю. Да, вот еще. Скажи Гетти, чтобы приготовила ванну. Мне это очень-очень нужно.

Женщина повернула голову к плечу, втянула воздух и скривилась, в очередной раз убедившись в необходимости помыться после дальней дороги.

- Ванна уже готова, - оживился мальчик. – Мы Вас заметили еще на подступах к городу.

- Шустро вы, - улыбнулась женщина и направилась было в сторону своего крыла, но мальчик предупредил ее:

- Вас отец ждет.

- Я воняю. Подождет, - отмахнулась она.

- Но он не в духе, - не сдавался мальчик.

- Я тоже, и что теперь? – чуть раздраженно обернулась к нему женщина. Мальчик втянул голову в плечи и попытался прикрыться седлом. Женщина замерла, поняв, что он ожидает удара. Тяжело вздохнула, успокаиваясь.

- Сегодня все не так, как надо, - пробормотала она. – Ладно, зайду к отцу. Он ужинает?

- Нет, он в кабинете, - мальчик облегченно опустил седло.
- В такой час? – удивилась женщина.
- Не выходил из кабинета с тех пор, как ему письма при-

несли, - решил уточнить мальчик.

- Понятно. Молодец, правильное уточнение. Беги, давай, домой, - она помахала на него ладонью, прогоняя. – Конюхам передай, что я пообещала выпороть всех, если они не займутся моей лошадью прямо сейчас.

- Хорошо, леди Кеттелин, - кивнул паренек. – А Вы не скажете... мы победили?

Орешек с надеждой уставился на нее в ожидании ответа: как и всякий мальчишка, он хотел принадлежать роду победителей.

- Победа, малыш, есть понятие очень размытое, - подумав, сказала женщина. – Народу говори, что сегодня мы победили. Но если кто из Дома спросит подробности, то эти придурки вопреки приказу командира сожгли несколько деревьев, нахватали всего, что плохо лежит, потоптали посевы и вырезали уйму народа. Без особых на то причин – просто потому, что враг. Победа ли это?

Мальчик задумался, потом осторожно ответил вопросом на вопрос:

- Будет много сирот и жажды мести?

- В точку, мой мальчик, в точку, - кивнула женщина и пошла в сторону отцовских Палат, шурша кожаным плащом. – Спокойной ночи.

- Спокойной ночи, леди Кеттелин, - чуть поклонившись ее спине, отозвался он.

- Хорошо, что ты пришла, - сказал Дегеда Мудрый, когда она открыла дверь его так называемого кабинета: это было тесное помещение в холодном крыле, где не было бревенчатых стен, только унылая каменная кладка, и его не делали уютнее или хотя бы красивее даже растянутые на толстых гвоздях кроваво-красные знамена. Камин давно и безнадежно погас, от камней веяло холодом, и мужчина недовольно потирал ноющее колено. Несколько свечей сгорело, превратившись в лужицы воска, остальные доживали свой коротенький век, трепеща тускнеющими огоньками, так что в кабинете было сумрачно и неуютно. Кеттелин зябко поежилась.

- Почему вы еще не ужинали, отец? – она подошла, чтобы обнять мужчину.

- Ох, - отозвался тот, обнимая дочь и похлопывая ее по спине. – С такими делами аппетита нет совсем.

- А что у нас с делами? – спросила девушка, подсаживаясь на скамью рядом и беря в руки листы с отчетами разной степени корявости. – О, боги, автору этого писания хорошо бы еще раз поучиться писать – ей-богу, как гусыня задницей елозила.

- Да не читай, не порть глаза, - отмахнулся отец. – Я тебе и так перескажу. Дороги разбиты, товары с юга портятся.

Купеческая гильдия требует возврата своих налогов. Казна опять показала дно. Твоих сестер пора выдавать замуж – твои неизвестно что. А твой брат купил себе свору охотничьих собак, и теперь сутками пропадает в лесах вместо того, чтобы помогать старику.

- Вы совсем не старик, не наговаривайте, - сурово ответила Кеттелин, повернув лицо отца к себе, чтобы оглядеть его потрепанное ветрами и изборожденное морщинами лицо. На голове его еще довольно густо росли седые волосы, стянутые в кудрявый хвост, но надо лбом уже начала угадываться большая проплешина. – Вы статный, крепкий и хороший, как выдержанное вино.

- Милая, мне ли не знать, как короток мой век. Подагра замучила, сил нет. Да и помимо подагры у меня еще куча проблем: желудок шалит, пальцы порой не слушаются, да еще эти головные боли... Погоди, вот поймет народ, что я начал сдавать – мигом налетят, как стая воронов, и склюют заживо, - отец взял ее за запястья, отнимая руки девушки от своего лица и одновременно тепло пожимая их – он явно был рад увидеть дочь.

- Так не показывайте им этого, - шевельнула плечом Кеттелин. – Подумаешь, подагра. С кем не бывает? Благородная болезнь.

- Благородных болезней не бывает, не утешай меня: все мыдохнем в луже мочи и дерьма. Неприятное зрелище, - он посмотрел пару мгновений в пространство, вспоминая что-

то, потом встряхнулся. – Впрочем, не будем об этом. Давай ближе к делу. Замуж не хочешь? Да-да, я помню о нашем уговоре на сей счет, но время идет, ты не становишься моложе. Да и неловко как-то выдавать твоих сестер вперед тебя.

- За кого мне идти-то? Кому, скажи на милость, я порой прийдусь? – фыркнула Кеттелин, отодвигаясь назад и насмешливо демонстрируя отцу свое состояние – грязное обветренное лицо с красными пятнами, сальные волосы, неблагородный загар и полное отсутствие хотя бы намека на женственность.

- Не знаю, - пожал он плечами. – Вдруг приглянулся кто. Все ж таки, тебя два месяца дома не было, а кругом – одни мужики. Что-то мне плохо верится, что никто тебе в таких условиях даже глазки не строил. Ты их, конечно, выдрессировала знатно. Но не настолько, чтоб голодный мужик да не облизывался на бабу.

- Ну-у, - девушка сделала вид, что задумалась. – Вроде бы что-то такое, припоминаю... Точно! Господин Смерть был со мной очень любезен: несколько раз проходил мимо, все норовил поцеловать, да я уворачивалась. Но все ж таки пощекотал в паре мест, пройдоха – будет мне несколько новых шрамов на память. А как хорош – м-м-м! Но ты уж прости, замуж за него как-то не хочется: погуляли, помиловались, и разошлись.

- Тьфу на тебя! Не шути так – накличешь, – рассердился Дегеда, а Кеттелин рассмеялась.

- Отец, ну кто на меня позарится? – сказала она, снова обнимая мужчину – на этот раз со спины, чтобы удобнее было глядеть на отчеты. – Я ж как доска, подержаться не за что – даже волосы, и те прямые.

- Как у матери, - грустно улыбнулся Дегеда, припоминая что-то из молодости. – Я ж на нее позарился. Почему бы и на тебя охотнику не найтись? Родишь пару детей, да откормишься – вот и будешь попышней ему на радость.

- Ну, ты вообще у нас человек особенный, - Кеттелин погладила отца по лысеющему затылку и перевела тему: – А это что такое?

Она потянулась к столу и выудила лист, разительно отличающийся от прочей писанины витиеватым почерком, ровными строчками, вензелями и добротной бумагой, от которой даже пахло чем-то приятным, как в лавке торговца-парфюмера с юга. По краю листа, будто вышивка по подолу, теснились ровные крошечные отверстия сложной формы, неизвестно чем и как пробитые, а в завитушках вензелей поблескивали крошечные кусочки патали.

- Это? Очередная головная боль, - пояснил Дегеда, потирая виски. – Вот как раз перед твоим приходом сидел и думал, что мне с этим делать. Ты о бессмертных что-нибудь знаешь?

- В смысле, знаю ли, как их убивать? – спросила она, не особенно задумываясь над тем, что говорит, потому что глаза ее уже шарили по строчкам, пытаясь выцепить крохи ин-

формации из огромного вороха вежливых оборотов.

- Кеттелин, ку-ку, - отец пощелкал пальцами перед ее лицом. – Вернись с войны в мирный город, будь так любезна. Хватит с меня убийств.

- Извини, отец, задумалась, - ответила она, продолжая вчитываться в текст. – Погоди чуток.

- Ну? – не выдержал, наконец, мужчина, когда она дважды прошлась по содержимому письма и принялась разглядывать затейливый вензель.

- Какая редкостная нудятина, - выразила, наконец, свое мнение Кеттелин. – Нет, но это ж надо было нагромоздить столько слов, когда их смысл сводится к одной фразе. Ну ладно, к двум-трем. Но все равно потрясающе бесполезная трата бумаги.

Она еще раз оглядела лист, качая головой и дивясь качеству исполнения письма.

- И в чем смысл? – спросил Дегеда, подавшись вперед. – Объясни старику, ибо я не умею как ты – раз, и сразу все по полочкам: целый день читаю эту писанину, читаю, а смысл ускользает. Одни блестяшки и вензеля перед глазами.

- Да что тут объяснять? – пожала плечами Кеттелин. - Бесмертные просят в гости. Намекают, чтобы мы не пристрелили их при первой встрече и просят отвести им для жизни какой-нибудь закуток.

- Закуток? – поднял брови Дегеда.

- Я образно говорю, - ответила Кеттелин, но видя, что

отец не понял и этого словосочетания, пояснила: - Конечно, их придется поселить в Палатах, приставить к ним слуг поприлежней, кормить лучшей пищей, чистую воду из родника каждый день таскать и кипятить для мытья, потратиться на обстановку, отдраить все части замка, пускать их на званые обеды, чтобы на них обсуждать, что они там хотят обсудить, ну и так по мелочи. В общем, ты понял уже.

- Твою хххоррошую! - коротко и по-народному оценил ситуацию Дегеда Мудрый. – Это уже не просто головная боль, это кол в заднице!

- Фи, папа! Выражаешься, прямо как я, - захихикала дочь. – Да не переживай ты так. И не такое переваривали. Подумаешь, сам златовласый правитель бессмертного края придет с сыном и свитой – главное, чтобы их не пристрелили на подступах к городу, остальное уж как-нибудь утрясем. К тому же, они пишут, что сам правитель тут ненадолго, а потом останется только его младший сын с парой слуг – налаживать, так сказать, дружеские отношения.

Она хмыкнула.

- Возьмешь на себя? – спросил Дегеда, многозначительно шевельнув бровью и намекая, что это не вопрос, а приказ.

- Я еще с войной не закончила, - скривилась Кеттелин, отбрасывая письмо, как шкуру сдохшей кошки. – Да и вообще, домашние дела, приемы, ужимки и лебезение я не люблю.

- Однако ты в этом хороша, - возразил мужчина. - С войной пусть Арык закругляется: его к бессмертным все равно

подпускать нельзя. Столицу вы ведь уже взяли, я правильно понимаю?

- Да как сказать... - задумалась Кеттелин. – Князя мы упустили, потому что один дурак из шайки Арыка спутал мне все карты, поджег деревню – простите, Столицу – и пришлось заниматься спасением людей, а не ловлей зачинщиков. Но нам удалось спасти от огня малолетнего сына князя, а потом мы еще и обнаружили в одной из темниц его старика-отца. Я рассчитывала взять в плен самого князя и передать правление обратно его отцу, но увы, из-за пожара все пошло не по плану. Если б не Арык с его длинным носом, я бы поздравила тебя сейчас с избавлением от одной из головных болей. А теперь все смутно: неизвестно, за кем пойдут варвары – за сыном, что призывает в бой, или за отцом, продавшимся победителю. Надо поскорее отыскать беглецов.

- Откуда у тебя в отряде люди Арыка? – вздернул бровь Дегеда Мудрый.

- Да вот мне и самой интересно стало, - Кеттелин хрустнула пальцами. – Надо бы выяснить, как этот придурок ко мне попал. Плохо, когда хватаешься сразу за много дел: приходится отвлекаться, и как только отвлечешься, непременно что-то идет не так. Вот ты хочешь, чтобы я занялась бесмертными. Но справится ли Арык с подписанием мира?

- Трудно сказать, - вздохнул Дегеда. – Надо правильно ему все это преподнести: мол, если справишься, люди будут считать тебя героем, выигравшим войну. Беглецов-то он высле-

дит, не проблема: тем более, будет, куда собак применить. Главное, чтобы палку не перегнул: с него станется теми же собаками разодрать князя на куски.

- Ну, вот так всегда: я стараюсь, а все почести – ему, - притворно надула губки Кеттелин.

- А ты хочешь почестей? – поднял кустистые брови Дегеда. – Я ж тебе давно предлагал: найди себе послушного мужичка, роди от него такого же послушного сына и сиди себе регентшей до конца своих дней. Я хоть отдохну, со стороны посмотрю на то, что понастроил.

- Нет, спасибо. Насмотрелась я на твою жизнь, лучше побуду послушной исполнительницей. Да и не хочу я на трон, там сидеть неудобно. Я хочу помыться, пожрать и выпасться, наконец, в мягкой постели, - заявила она, закидывая руки за голову, чтобы сладко похрустеть позвонками.

- С теплой бабой под боком, - шутя, добавил к ее плану отец.

- А почему бы нет? – улыбнулась Кеттелин. – Надо сказать Гетти, чтобы полежала в моей кровати: выползу из ванны и сразу в теплую перинку. М-м-м!

Она мечтательно прикрыла глаза и даже вздрогнула от предвкушения.

- Ладно, иди к себе, - ухмыльнувшись, отпустил ее отец. – Воняешь, как стадо козлов – неудивительно, что мужики разбегаются. Арыка и варваров я возьму на себя. А ты завтра сходи к казначею, пошуми там немного на предмет во-

ровства из казны и возьми, сколько надо, на обустройство «закутка» для бессмертных – лучше поближе к этому твоему Дому, там поспокойнее будет. Нам всем. Потом съезди на рудники, разберись с восстановлением моста. Еще узнай, что там со сплавом бревен, а по возвращении начисти уши компашке, что уже три недели не может восстановить брусчатку на торговом тракте. Если встретишь алхимика, что обещал мне смешать водостойкую краску, передай ему, чтобы уносил ноги, обманщик, иначе ушей лишится. И повару скажи, чтобы тухлятиной сам питался... Что-то еще забыл. Ах да, возьми эту писанину и накарябай им перед сном ответное письмо. И смотри, чтобы также красиво было и длинно. Утром отправим.

Он бросил ей бумагу бессмертных. Кеттелин поймала ее, не меняя кислого выражения лица.

- А можно мне тоже свору собак и на неделю схарнуться в лес? – спросила она без особой надежды на успех.

- Не выражайся, - отец погрозил ей кулаком. – Сама сказала, на трон не хочешь. И замуж не хочешь. Вот на фиг ты мне такая сдалась? Раз ничего не хочешь, а на шее сидишь, то отрабатывай. А то расплодилось тут наглого бабья.

- Издеваешься, – понимающе ухмыльнулась Кеттелин.

- Вопрос исчерпан, - пожал плечами ее отец. – Спокойной ночи, малышка.

- Спокойной ночи, отец, - поклонилась она, переходя обратно на вежливый тон. – Сладких Вам снов.

Он поцеловал ее в немытую макушку, и оба вышли в коридор, чтобы разойтись в разные стороны.

Глава 4.

- Они сказали, что встретят нас сегодня поутру у этой излучины. Может, день перепутали? - хмуро сказал лорд Адриэл, оглядывая пустое пространство чужого берега. Слева темнел лесок, справа тянулся чуть ли не до горизонта песчаный речной пляж, впереди высился обрывистый берег, под которым они ночевали, а над ним золотились под ярким утренним светом молодые кедры.

- Утро – понятие растяжимое, - зевнул доктор и поежился. – Зачем мы встали в такую рань? Лагерь можно было свернуть и в присутствии сопровождения. Я не выспался и не выпил горячего, теперь буду мерзнуть целый день.

- Побегайте кругами, Лэйкери, - предложил ему лорд Адриэл. – Может, согреетесь. А еще лучше – полезайте-ка на берег, а затем на высокое дерево и осмотритесь: авось и шаттергранцев разглядите.

- Спасибо за предложение, - фыркнул доктор. – Но вынужден отказаться. Увы, мой любимый походный костюм требует особого обращения, а смола кедров, между прочим, очень плохо счищается. Может быть, Вы сами хотите немного размяться, лорд Адриэл? Я Вам как врач говорю: это очень полезно для кровообращения.

- Большое спасибо за предложение, доктор Лэйкери, но я, пожалуй, тоже воздержусь, - отбил шпильку лорд Адриэл. –

Не в моем возрасте следует учиться мастерству сбора кедровых орешков. Может быть, молодой человек пожелает, а мы его подса... Рэйвен? Ты где?

Мужчины взволнованно оглянулись, но ни возле костра, ни среди свиты молодого лорда не было.

- Вижу людей вдалеке, - раздался откуда-то сверху его голос.

- Рэйвен, ты меня напугал, - облегченно выдохнул его отец, задрав голову. – Спустись немедленно: ты слишком легкая мишень. Мало ли что придет в голову этим смертным. И вообще: как ты туда попал? Берег такой крутой и глинистый. Ты что, карабкался, цепляясь за корни деревьев? Совсем спятил? А если б ты сорвался? У тебя нет прививки от столбняка, тебе нельзя быть таким неосмотрительным! Спускайся.

- Ни в коем случае! – возразил доктор. – Он сорвется. Для спуска нужна веревка. Где веревка?

Свита засуетилась, торопливо принимаясь шариться по только что упакованным вещмешкам.

- Мы вчера весь вечер ее искали, - напомнил лорд Адриэл, обеспокоенно глядя вверх, откуда слышал голос сына. – И так и не нашли, если помните. Как и соль. Это бессолое путешествие мне надолго запомнится. Кто был назначен главным по снабжению?

Он окинул грозным взглядом свиту. Но люди лишь неловко переглядывались и пожимали плечами.

- А кто должен был назначить снабженца? – негромко задал встречный вопрос доктор Лэйкери с насмешливыми нотками в голосе.

- Рэйвен, разумеется: это же его путешествие, - уверенно ответил лорд Адриэл.

- Полагаю, как только Вы решили присоединиться к процессии, мальчик справедливо рассудил, что право организации похода лежит на Вас, как на старшем по званию, - пояснил доктор.

- Хм, - смутился лорд Адриэл.

- Кажется, они меня заметили: едут в мою сторону, - снова раздался сверху голос младшего лорда. – Поднимайтесь вверх, отец, я пойду им навстречу.

- Ни в коем случае! Это очень опасно. Рэйвен, спустись немедленно! Точнее... Нет, стой на месте, никуда не ходи, я сейчас... Лэйкери, да сделайте же что-нибудь, бездна Вас поглотит!

- Могу предложить разве что свою спину в качестве опоры, - хмыкнул доктор, не торопясь, однако, опускаться на четвереньки. – Вспомним молодость в кольчугах, протрем животами всю окрестную грязь.

- А более цивилизованных предложений не найдется? – уже не на шутку сердясь и беспокоясь, отозвался лорд Адриэл и примерился к торчащим из склона корням. – Кто-нибудь, найдите, наконец, веревку!

- Если мы ее вообще взяли с собой, - пробормотал доктор.

- Если не взяли, то сделайте, Лэйкери! Да хоть бы и из вашего любимого походного костюма!

Дальше Лорд Рэйвен не слышал их перепалки. Он отошел от края обрыва, миновал группу одиноко растущих кедров и зашагал по густо поросшему цветущим разнотравьем лугу. Кузнечики шарахались от него во все стороны, высокие метелки незнакомых злаковых трав то и дело касались шеи, а трава цеплялась за сапоги, мешая идти. Рэйвен, огладил ладонью пушистые кисточки, прищурился на солнце и глубоко вдохнул медвяный аромат. Запах был одновременно родной и чужой: вроде бы, тот же клевер цветет, те же ромашки и мышиный горошек, но земля, видать, другая, и потому запах совсем не такой. А может быть, дело было в том, что травы в его саду каждое утро садовники щедро орошали водой, а эти дикие заросли боролись за жизнь под иссушающим ветром и солнцем, деля каждую каплю росы. Рэйвен дошел до куста полыни, отщипнул кусочек листа и растер в ладони. Действительно, совсем другой аромат. И вид другой: дикая природа в ее стихийном «непричесанном» состоянии. Рэйвену захотелось прилечь в эту траву и послушать треск кузнечиков и шорох трав, но увы, он поднялся сюда не за этим.

Темные головы местных хозяев хорошо были видны впереди – они ехали верхом, и травы им нисколько не мешали. Лорд Рэйвен остановился, дожидаясь, пока они приблизятся. Беглым взглядом окинул отряд и насчитал пятнадцать человек – число немалое, но однако и не настолько большое, что-

бы принять его за боевую вылазку. Тем более, что смертные держались в седлах расслабленно, и никто даже и не подумал хвататься за оружие. Рэйвен тоже демонстративно развел пустые ладони, показывая, что пришел с добрыми намерениями.

- Мы вас потеряли, - осадив лошадь, вместо приветствия сказал командир отряда – тонкий и сухой человек с обветренным красным лицом, припухшими веками и синими кругами под глазами. Одет он был странно – на плечах небрежно накинут устрашающего вида плащ с шипастыми наплечниками и высоким воротником, из-под него торчала грубая рубаша, накрест пересеченная кожаным ремнем, на который крепились ножны, а на ногах болтались бесформенные и стоптанные сапоги, которые то ли отшагали полмира, то ли передавались из поколения в поколение.

- А мы ждем вас с самого утра, как и было оговорено, - пожал плечами лорд Рэйвен, немного напрягшись. Как-то не так начался его путь на поприще дипломатии: по крайней мере, приветствие было пропущено, и все заготовленные фразы оказались бессмысленно неподходящими в этой ситуации. Оставалось полагаться на удачу и собственное чутье.

- Я же говорил: они речку с этими треклятыми ручьями перепутали, - сказал один из кудрявых бойцов. - Сразу надо было сюда идти, только зря мотались по жаре все утро.

Боец отер лоб рукавом рубашки невятного цвета: то ли изначально неотбеленной, то ли застиранной до такой степени,

что цвет уже невозможно было определить, то ли и то, и другое. Остальные шаттергранцы выглядели не лучше: кожи, из которых были выделаны ремни и внутренние части штанин, были по большей части коричневыми, полотняные рубахи – серыми или охристыми. Кое-где на воротниках и рукавах виднелась столь же неказистая вышивка. Украшения были деревянными или медными, а то и вовсе отсутствовали: даже буйные кудрявые шевелюры были перетянуты всего лишь кожаными шнурками, а из украшений разве что на запястьях кое у кого болтались браслеты-обереги, да на мощных шеях покачивались амулеты. По случаю жары часть бойцов ехала с голым торсом, и загорелая кожа блестела потом. Однако, не так все было плохо, как пугал Рэйвена отец: по крайней мере, на людей они были похожи больше, чем на животных. Хотя запах от шаттергранцев шел специфический.

- А ну, цыц, - шикнул на говорливого бойца командир, спешиваясь, и снова обратился к лорду Рэйвену: – Видимо, произошло недоразумение. Северным трактом давно не пользовались, он малость подзарос, так что немудрено было сбиться с пути. Вы – лорд Адриэл?

Командир зачем-то протянул лорду руку в кожаной перчатке без «пальцев». Видневшиеся из перчаток костяшки были сбиты до бордовых синяков, ногти же были и пострижены слишком коротко и вместе с тем неухожены, а сама рука была похожа на руку скелета, примерившего человеческую кожу.

- Нет, я его сын, - ответил молодой лорд, напряженно пытаясь понять, что от него требуется. Повисшая в воздухе рука тоже неуверенно дрогнула. Возникла неприятная пауза в разговоре. Похоже, шаттергранец чего-то ждал. Лорд Рэйвен, немного подумав, тоже поднял правую руку и незнакомец, приободрившись, вдруг взял его ладонь, сжал ее и ощутимо тряхнул, затем выпустил. По всей видимости, это было местное приветствие. Лорд Рэйвен отметил про себя данный факт и одновременно ощутил желание обтереть ладонь платком – от перчатки сильно пахло конским потом и дорожной пылью.

Он оглядел собеседника и встретился с ним взглядом. Взгляд был неприятный: внимательный, подозрительный. Ресницы практически отсутствовали, а брови как будто едва-едва пробились сквозь кожу. Темные глаза выглядели ужасно непривычно и притягивали взгляд против воли. Кожа шаттергранца была красноватой, местами воспаленной и сильно шелушилась. Голова была затянута белой тряпицей на манер песчаных пиратов из книги со сказками: то ли от солнца, то ли прикрывала опаленную шевелюру. Да и голос был явно осипшим и время от времени прерывался сухим покашливанием. Похоже, этот человек с неделю или две назад побывал на пожаре – причем не просто пробежал сквозь огонь, а что-то долго и упорно из него вытаскивал, успев обгореть, обжечь связки раскаленным воздухом, а легкие – покрыть дымом.

- А где остальные? – все еще безымянный командир покрутил головой, выглядывая хоть кого-нибудь, но, разумеется, ничего не увидел в густой траве. Лорд Рэйвен мысленно усмехнулся: наверное, с точки зрения смертных, он, будто степной дух, возник среди поля из ниоткуда – без лошади, вещей и оружия. «Дитя природы, - подумал он. – Приятно, конечно, побыть немного источником легенд, однако, придется разрушить этот поэтический образ».

- Они все еще внизу, - ответил он, махнув рукой в сторону кедров. – И лошади тоже: мы не можем тут подняться. Я выбрался, чтобы оглядеться, и случайно встретил вас.

- Видимо, нам нужно поблагодарить судьбу за эту случайность, - ответил ему командир и пояснил: - после паводка осталось много ручьев. Мы предположили, что вы перепутали один из них с рекой Червинкой, у которой мы должны были встретиться. Но не знали точно, где вас в таком случае искать. Могли до вечера прокататься туда-сюда вдоль берега.

В голосе командира проскользнули нотки укора. Похоже, он был недоволен необходимостью встречать гостей в чистом поле. Или просто встал не с той ноги.

- Да, судьба была к нам благосклонна. Я очень рад, что мы не разминулись: в такую жару это было бы крайне неудобно, - переступив через свое желание поставить на место зарвавшегося вояку, вежливо ответил лорд Рэйвен. Отец всегда учил его первым останавливать зарождающийся конфликт. «Это просто утомленный жарой смертный – нет смысла всту-

пать с ним в перепалку, - сказал он себе. - Пусть почувствует себя хозяином ситуации. Можно, конечно, разговориться, установить дружеские отношения, разъяснить ситуацию в подробностях, но зачем распыляться перед каждым слугой? Проще дать человеку то, чего он ждет. И получить в ответ то, что нужно мне самому».

- Мы, может, и не разминулись, однако подняться в этом месте с лошадьми вы не сможете, а мы не сможем к вам спуститься, - ответил командир, глядя на группу кедров, которую, похоже, хорошо знал. – Пойдемте, поприветствуем Вашего отца, и мы проводим ваш отряд вдоль берега до ближайшего пологого места.

Сказав так, командир, не дожидаясь ответа, забрался в седло и опять протянул ему руку. Лорд Рэйвен послушно подал ладонь в ответ, но вместо пожимания руки его вдруг с силой дернули вверх, так что даже хрустнуло что-то в плече – к счастью, не до травмы. Командир, в свою очередь, тоже покачнулся в седле, едва не вывалившись. Оба уставились друг на друга с недоумением:

- Запрыгивайте уже, - хмуро пояснил свои действия шаттергранец. – Кроме меня вас никто на свою лошадь не пустит.

Он окинул взглядом бойцов, которые действительно насмешливо разулыбались – ситуация их явно позабавила.

Рэйвен смутился так, что даже кончики ушей порозовели. Он хотел было ответить, что тут недалеко, но их ладони были

все еще соединены. Было бы странно, если б он отнял руку, которую только что сам же подал. Пришлось стиснуть зубы и под смешки и косые взгляды бойцов оттолкнуться от земли, ухватившись левой рукой за седло, а правой – за повторно дернувшую его вверх жилистую руку, и сесть за спиной командира. Спина оказалась очень худой и костлявой – похоже, Рэйвен был тут не один, кто не мог похвастаться крепким здоровьем.

Лошади тронулись вперед, и отряд быстро подъехал к самому краю обрыва. Командир развернул кобылу боком и махнул стоявшим внизу бессмертным рукой. Под правым передним копытом лошади земля вдруг обвалилась и покати-лась вниз пыльными комьями. Лорд Адриэл и доктор Лэйкери, все это время безуспешно пытавшиеся с наименьшим риском штурмовать склон, отскочили от этой лавины назад. Благоразумная кобыла тоже торопливо отступила от края, недовольно всхрапнув в сторону наездников. А Рэйвен запоздало ощутил жутковатое посасывание под ложечкой: он только что чуть не навернулся с обрыва в три человеческих роста. Чокнутые смертные.

- Приветствую, лорд Адриэл! – громко сказал командир с высоты своей позиции. – Мы с Вашим сыном выяснили, что произошло небольшое недоразумение с местом встречи: вас ждали немного выше по течению. Прошу следовать вдоль реки, тут неподалеку есть удобный подъем.

И, не дожидаясь ответных слов, командир тронул кобылу

пятками, и та пошла неспешным шагом вдоль обрыва. Рэйвен покачнулся и вынужден был схватиться за его плащ.

- Вы меня так задушите, - отозвался командир, оправляя затянувшийся на горле ворот. – Держитесь за плечо или за пояс.

- Извините, - проглотив очередной комок недовольства, отозвался Рэйвен и убрал руки вовсе – благо, скорость движения позволяла. – С детства не ездил на лошади вдвоем.

- Что, даже девушку не катали? – хмыкнул командир.

- Я не женат, - пояснил Рэйвен.

- Разве катать на лошади можно только жену? – командир даже повернул голову, чтобы насмешливо глянуть на пассажира.

Лорд Рэйвен не нашелся, что ответить на этот странный вопрос, и сделал вид, что принял его за риторический. Выждав некоторое время и услышав звук торопливо нагоняющих их соплеменников, он решил, что пауза в разговоре как-то слишком затянулась, и решил немного обсудить вопрос разницы культур:

- Вы всегда пропускаете приветствие? – спросил он.

- А мы разве не поздоровались? – слегка удивился командир.

- Да. И Вы не представились, - укорил его Рэйвен.

- Вы тоже, - пожал плечами командир, несколько не смущенный этим фактом.

- Я... - начал Рэйвен и осекся. Действительно ведь не

представился. – Мое имя – Рэйвен Лаард. Я сын Адриэла Лаарда. У нас принято представляться по старшинству – младший представляется старшему, так что я не привык называть свое имя первым.

- Я тоже, - кивнул ему собеседник. – Зовите меня Бени.

- Бени? – переспросил Рэйвен. – Это полное имя?

- Полным именем меня только отец зовет, да и то лишь, когда очень сердит, - хмыкнул командир.

- А Ваш отец...

- Дегеда Мудрый, - правильно понял недосказанную фразу шаттергранец.

- Теперь понятно, почему возникло это недоразумение со знакомством, - счел нужным прояснить ситуацию лорд Рэйвен. – Мы оба – сыновья высокопоставленных лиц, и не привыкли представляться первыми.

Лица всех членов шаттергранского отряда вдруг, как по команде, развернулись к нему с насмешливыми выражениями. Его собеседник тоже вывернул шею, чтобы окинуть приежжего вдруг оживившимся взглядом с искрами озорства.

- О, как вы ошибаетесь, мой лорд, - сказал командир, сверкнув зубами в веселом оскале, и со всех сторон полетел смех – где-то сдавленный, где-то откровенный: бойцов отчего-то очень развеселила эта фраза.

Рэйвен промолчал, сохраняя невозмутимое выражение. Похоже, смертные вовсе не считали его отца высокопоставленным лицом. Сложная ситуация. Следовало бы запомнить

и хорошенько обсудить вечером со своими. Хорошо все-таки, что отец тоже решил поехать: если даже правитель Эльдара у них не в чести, что говорить о его младшем сыне? Они еще только познакомились, а его уже ни во что не ставят. Хотя, командир изначально явился сюда раздраженным, так что, возможно, часть язвительности, что неприкрыто сочилась сквозь его фразы, можно было отнести на сей счет.

К счастью, Рэйвену не пришлось долго томиться неприятным соседством: очень скоро обрывистый берег начал понижаться и перешел в пологий. Его соплеменники, наконец, выбрались из ловушки, и он, сбивчиво поблагодарив Бени за помощь, поторопился пересесть на свою лошадь. Однако на этом его моральные терзания не закончились. Как-то само собой получилось, что он поехал впереди – рядом со своим отцом. Свита растянулась также парами по две лошади. А вот шаттергранцы по команде Бени рассредоточились: часть уехала вперед, часть рассыпалась справа и слева, часть приотстала, будто взяв их в кольцо. А сам Бени поехал слева от своего нового знакомого – колено к колену.

«Ну, что ж, - подумал Рэйвен, сдерживая раздражение. – По крайней мере, я его не оскорбил, а повеселил – вон, даже глядеть стал по-другому. Хотя неприятно, конечно, что еще посмеивается. Будем отталкиваться от этого. В конце концов, возможно, именно об этом говорил Левенсток: общение между нашими народами прекратилось так давно, что смертные уже успели насочинять о нас какие-то свои легенды –

неприятные и, возможно, принижающие наше достоинство. Наверное, стоит уделить этому больше внимания и показать, какие мы есть на самом деле».

Он приободрился, настроившись таким образом, и даже решился продолжить разговор, хотя гордость подсказывала иное.

- Скажите, Бени, а как ваш народ называет себя? – спросил он. Лорд Адриэл едва заметно повернул голову: похоже, тоже заинтересовался беседой. Или же фактом участия в ней сына.

- Не понимаю, о чем Вы, - спокойно ответил командир, выглядывая что-то впереди.

- Ну вот мы родом из Эльдара – так называется край от Проклятой реки до Священных полей, - привел пример молодой лорд. - Раньше мой народ жил немного южнее – как раз там, где сейчас живете вы – и название было другим. Но теперь мы именуем себя эльдарцами. А как зовется ваш край? Сомневаюсь, что вы оставили наше именование, когда поселились здесь. Я правильно понимаю, что Шаттергран – это название города, в который мы въезжаем?

Он указал на показавшиеся вдали темные деревянные дома на каменных фундаментах.

- Да, это уже Шаттергран показался. Но боюсь, я не могу ответить на другой Ваш вопрос, ибо мы над таким не задумываемся, - пожал плечами Бени. – Но мой учитель именовал нас «степняками». Можете так и называть. А можете

звать Землерожденными, как раньше говорили. Или просто шаттергранцами. У нас говорят: «Хоть лучиной назови, да смотри, не запали».

- А как вы зовете нас? – поинтересовался эльдарец.

- Мы вас не звали, вы сами пришли, - ответил Бени, но по тронувшей его обветренные губы улыбке Рэйвен понял, что тот шутит.

- И все же? Скажите, я не обижусь, мне действительно интересно, - не сдавался он. – Наверняка же дали нам какое-то свое прозвище.

Шаттергранец подумал пару секунд, явно взвешивая свои слова.

- Старики зовут вас Бессмертными, - наконец, ответил он.

- А молодежь – просто Белоголовыми.

- Я мог и догадаться, - кивнул Рэйвен. – Мы тоже порой говорим о вас «смертные». Но это собирательное понятие – так мы именуем все народы, чья жизнь коротка. И соответственно «бессмертными» называем всех, чей жизненный срок превышает триста лет.

- Почему именно триста? – повернул к нему голову Бени. – Почему не сто пятьдесят или двести?

- Я не... - растерялся Рэйвен. Вопрос застал его врасплох: он и правда никогда не задумывался, почему именно триста лет.

- В этом мире нам пока неизвестны народы, чей максимальный срок жизни находился бы в границе от ста до трех-

сот лет, - решил помочь сыну лорд Адриэл. – Поэтому и названия для них пока нет. Есть кварки, чей срок жизни тесно связан с неким процессом «очищения» души или, если так можно выразиться, инициации. Она происходит на трехсотый год от их рождения. Не прошедшие инициацию умирают в течение нескольких лет, как и прочие смертные – стремительно старея. Остальные становятся бессмертными. Отсюда и привязка к сроку. Хашиги из ледяных земель также трепетно относятся к этой цифре: каждые триста лет Мать хашиги обновляет кладку и всех, кто не вылупился к этому сроку, она съедает. Так что триста лет – сакральное число. Любой, чей срок жизни переваливает за эту дату, считается у нас Бессмертным.

Командира оживился при слове «хашиги», и Рэйвен покосился на него: шаттергранцам-то откуда знать о северном народе? Сам он видел своих жутковатых соседей из вечной мерзлоты разве что на картинках, но был в тот день так впечатлен изображением, что еще неделю после того не мог нормально спать. Где Бени мог их встретить? Неужто эти подземные создания время от времени пересекают Эльдар и путешествуют на юг? Почему же он никогда не слышал об этом?

Молодой лорд представил вереницы жутковатых многоногих существ, похожих на помесь паука, человека и мокрицы, с шелестом проползающих среди ночи по улицам столицы, стенам и крышам, мельком заглядывая в окна к спящим

людям. Его тоже передернуло. Пожалуй, во мнении об этой расе он был совершенно солидарен со своим новым знакомым. Однако, если подумать, хашиги всего лишь подверглись слишком сильным эволюционным изменениям. Вряд ли эта раса проникла в мир извне – скорее, их просто тысячами никто не замечал, ведь они всегда избирали своим местом обитания самые укромные и сложные уголки мира. Принципиально выводя новое потомство во все более и более сложных условиях, хашиги со временем так изменились, что даже вид их стал далек от человеческого. Где и как они сумели приобрести черты насекомых – и вовсе неясно: пусть некоторые и уверяют, что хашиги – плод Темных времен, когда и сами Бессмертные едва не превратились в животных, но даже Темные времена не сумели скомкать воедино такие далекие природные линии, как насекомые и млекопитающие. А хашиги это как-то удалось. А еще удалось построить свое общество по совершенно иным законам, настолько отличным от других народов, что Эльдар и Шаттергран на их фоне казались братьями-близнецами.

- О чем задумался? – шепнул ему отец, едва заметно пнув сына по голени, отчего лорд Рэйвен резко вынырнул из своих размышлений и, вздрогнув, закрутил головой.

- О хашиги, - сказал он негромко, убедившись, что ничего не изменилось, и окружающие не смотрят на него как на сумасшедшего, что ушел в себя на несколько минут и не реагировал на внешние стимулы. – О том, насколько сильно мы

отличаемся от них.

- Хашиги об этом совершенно другого мнения, - спокойно сказал лорд Адриэл. – Они считают, что близки к эльдарцам настолько же, насколько мы считаем себя близкими к расам вроде Шаттергранцев: относятся примерно как к младшим братьям, немного отстающим в развитии. Хотя нам сложно понять, почему они считают себя близкими к жителям Эльдара, ведь с нашей точки зрения они словно существа из другого мира. Но расспрашивать их о подробностях, как ты понимаешь, крайне затруднительно.

- Ты знаком с кем-то из их расы? – удивился лорд Рэйвен, ощутив неприятный холодок от мысли, что отец общался с кем-то подобным.

- Лично – нет. Но они иногда приходят побеседовать с нашими старейшинами, а те потом пересказывают подобные беседы в книгах. Если хочешь, можешь попросить у старейшин парочку таких заметок. Но предупреждаю, чтение подобной литературы негативно сказывается на человеке. Некоторых потом приходится столетиями лечить от душевных болезней.

- Но хашиги же не умеют говорить, - неуверенно сказал Рэйвен.

- У них деформирован человеческий челюстной аппарат, видоизменен язык и губы, а также практически отсутствуют голосовые связки, однако это не означает, что они не способны к общению, - лорд Адриэл многозначительно посмотрел

на сына.

- Они... используют письменность? – предположил Рэйвен.

- Нет, - покачал головой лорд Адриэл. – Их общение идет на физиологическом уровне. Они напрямую взаимодействуют с человеком.

- Я не понимаю, - нахмурился лорд Рэйвен, гадая, с чего вдруг отец начал уходить от прямого ответа.

- Они втыкают что-то вроде игл на мягких трубочках прямо в позвоночник человека и под основание черепа, - неожиданно раздался голос Бени, по всей видимости, слышавшего их беседу. – Точнее, сначала в любую мягкую часть вроде плеча или, простите, ягодиц – чтобы успокоить. Затем в позвоночник – чтобы обезболить и обездвижить. И только потом под основание черепа. А для удобства проведения процедуры Мать хашиги – которая обычно и беседует с людьми – затягивает предварительно раздетого человека внутрь панциря, плотно фиксируя своими многочисленными лапками. Когда человек обездвижен, обезболен и уложен в подходящую для доступа позу, хашиги вводят свои иглы под основание черепа – неглубоко, ровно до оболочки мозга, затем из игл выдвигаются гибкие чувствительные щупы, которые, как черви, выискивают извилины мозга, чтобы оплести его весь. И только потом человек, все это время пребывающий под действием дурманящего яда хашиги, просыпается внутри сознания Великой матери, как его часть, и они напрямую

обмениваются имеющейся информацией и мыслями. Причем разговор занимает считанные мгновения. Гораздо больше времени уходит на подготовку и последующее возвращение человека в реальность.

- О, боги, - Рэйвен не сдержался и прикрыл рот рукой, чувствуя неожиданно нахлынувшую дурноту, да и лорд Адриэл поджал губы, нахмурившись – беседа получилась явно не светская. – Кто согласится на такое?

- Звучит действительно неприятно, - покивал Бени, как ни в чем не бывало. – Но разве Вам никогда не хотелось познать что-то действительно иное? Выйти за пределы отведенной вам судьбой роли?

- Такой ценой? Нет, - покачал головой лорд Рэйвен, покосившись на своего собеседника. – А вы? Неужто готовы на подобное?

- Почему бы и нет? – пожал плечами Бени. – Страшно, конечно, как без этого. Но мой учитель имел честь беседовать с Великой матерью и он говорит, яд хашиги снимает совершенно все болевые ощущения, так что не о чем беспокоиться.

- Я говорю не о боли, - поморщился Рэйвен. – Даже просто снять с себя одежду и позволить этим существам охватить себя со всех сторон своими... брр...

- Ну, это всего лишь вопрос безгливости, - пожал плечами Бени. – Если есть такая цель, можно со временем привыкнуть к любому насекомому – хоть тараканов гладить по

загривку на манер кошки. Но хашиги все-таки не тараканы. Они мыслящая раса, и очень чистоплотны. Так что это лишь страх наших предков, ничем не обоснованный. А со страхами можно бороться, если понемногу каждый день испытывать себя на прочность. Не думаю, что объятия хашиги так страшны, как это кажется со стороны. Мне было бы интересно получить подобный опыт. Но увы, хашиги в ближайшей пивнушке не ошиваются. Кстати о пивнушках: подъезжаем к основной части города. Извините: мне нужно выехать вперед.

Бени пнул пятками свою кобылу, чтобы возглавить процессию. Стражник, что все это время вальяжно подпирал ворота плечом, при виде командира отряда недовольно вытащил изо рта догорающую трубку и налег на створку, чтобы раскрылась пошире – так, чтобы по три лошади разом проходили.

- Да он сумасшедший, - пробормотал Рэйвен ему в спину, когда Бени удалился на достаточное расстояние.

- Не соглашусь с тобой, - ответил лорд Адриэл, расслышавший бормотание сына. – Боюсь, наши старейшины рассуждают примерно также. Не все, конечно. Но тем не менее, мир велик, и в нем много разных мнений. Я учил тебя блюсти традиции. Но это не означает, что люди, живущие вне традиций, должны подвергаться нападкам с твоей стороны. Чем тебе не угодил этот несчастный малый? Судя по его виду, жизнь у него не сахар. Вполне может статься, что хашиги

его совершенно не пугают. Или же на самом деле он ни разу не видел их даже на картинках, а лишь слышал рассказы своего учителя. Вполне может банально переоценивать свою выдержку.

- Извините, отец, - ответил лорд Рэйвен. – Я не совсем точно выразил свои мысли: этот человек настолько открыт новому, что меня это пугает. Хотя до этого момента я считал себя достаточно пытливым. Но добровольно телом и душой отдаться хашиги – это выше моего понимания.

- Лэйкери был прав, - сказал лорд Адриэл. – Это путешествие действительно идет тебе на пользу: по крайней мере, у тебя есть новые темы, над которыми стоит поразмышлять на досуге.

- Кто-то сказал, что я был прав? – донесся из-за спины молодого лорда голос доктора.

- Вам слышалось, Лэйкери, - чуть повысив голос, ответил лорд Адриэл, надавая кобыле пятками.

Городской пейзаж не впечатлял. Кривые улочки изобиловали не менее кривыми домами, а те лепились так близко друг к другу, что между ними подчас не оставалось и щелочки. Дома были небольшими – в 2-3 этажа – но каждый из них, не имея возможности расширить фундамент ввиду узости дороги, расплзался в ширину в своей верхней части, отчего они напоминали пухлые грибы, соприкасающиеся шляпками прямо над улицей. Мостики-галереи тут и там глядели на проезжающих унылыми окнами, и повсюду были

растянуты веревки с мокрым бельем. Временами из закоулков доносился сильный запах помоев, а валяющиеся кое-где пьянчужки дополняли картину.

Бени ехал мимо всего этого, даже не замечая. Некоторые люди приветствовали его, но большинство сразу принимались глазеть на гостей. Лорд Рэйвен старательно держал лицо, одновременно с интересом разглядывая шаттергранцев. В большом количестве они еще сильнее сливались в безликую массу, и трудно было отличить одного от другого: все женщины были одинаково пышными с одинаково глубокими по случаю жары вырезами платьев, все мужчины – одинаково серы и мускулисты, и абсолютно все были черноглазы, темноволосы и кудрявы. Конечно, если очень приглядываться, можно было разглядеть, что у одного надбровные дуги мощнее, другой отличается раздвоенным подбородком, у третьего шевелюра как каракуль, а у четвертого – напротив, налысо выбрита голова. Лорд Рэйвен, непривычный к такому обращению с волосами, даже мысленно содрогнулся от вида блестящей лысины. Но быстро взял себя в руки: в конце концов, он ехал сюда за новыми впечатлениями – не обязательно приятными.

Пока он разглядывал народ, что с любопытством увязался толпой за их процессией, они незаметно подошли еще к одной стене – на этот раз высокой, каменной, покрытой насечками от боевых топоров и штурмовых крюков. Стену окружал глубокий ров с полуиссохшим ручьем, от которого здо-

рово смердело нечистотами, а через ручей был перекинут большой откидной мост шириной в две повозки.

- Прошу, - сказал Бени, приглашая гостей за собой. – Мы прибыли. Сейчас наши конюхи помогут расседлать лошадей, и я покажу подготовленные для вас покои.

Он въехал во двор и спрыгнул с лошади, грохнув подкованными сапогами по брусчатке. Из глубины дома к нему на бешеной скорости вылетел паренек-конюх и схватился за повод лошади, испугавшейся его слишком быстрого приближения.

- С возвращением, леди Кеттелин, - отдышавшись, звонко сказал он командиру с подобострастным блеском в глазах и протянул руки, принимая походный плащ.

Лорд Рэйвен почувствовал, как что-то в его голове накренилось, треснуло и принялось с шипением осыпаться.

- Орешек, в присутствии гостей, чей статус тебе неизвестен, невежливо приветствовать только меня, - сурово отчитал мальчика Бени. Или отчиталА?

Лорд Рэйвен откашлялся. Как бы ему не хотелось провалиться сквозь землю или пожелать того же кое-кому другому, но надо было сразу разъяснить ситуацию: подобные узлы следует рубить, пока они не затянулись на шее.

- Так все-таки, как же вас зовут? – сухо поинтересовался он, чувствуя, что над ним посмеялись – почему и зачем, неясно. – Бени или леди Кеттелин?

Бени развернулся (или развернулась?) к нему.

- Вербена – такое имя дала мне мать, - ответил командир с веселыми огоньками в глазах. – Коротко – Бени. Она всех дочерей назвала цветочными именами. Так что я представилась Вам настоящим именем. А леди Кеттелин меня поименовал мой учитель: он был странным человеком и еще не такое себе позволял. Увы, учитель давно уехал, но имя, которое он мне дал, почему-то приклеилось. Есть еще с десятков прозвищ. Их тоже назвать? Или все-таки двух имен достаточно, чтобы меня позвать?

Женщина – теперь лорд Рэйвен видел это ясно, как никогда – с трудом сдерживала широкую улыбку, глядя на то, как меняется выражение лица собеседника.

- Простите, - впервые в жизни глубоко краснея, выдавил лорд Рэйвен. – Я никогда прежде не видел женщин вашего народа. Каюсь: я с непривычки принял Вас за мужчину.

- Прощаю, - улыбнулась леди Кеттелин. – Я так и подумала, но не стала Вас разубеждать. Меня часто принимают за мужчину, я к этому привыкла. А после того, как немного обгорела, и сама себя в зеркале пугаюсь. Так что не переживайте на этот счет – во всем виновата моя внешность, тут уж ничего не поделаешь.

- Я попрошу своего врача помочь Вам с ожогами, - торопливо забормотал Рэйвен, новым взглядом оценивая ужасающее состояние кожи собеседницы и ее бесформенный костюм – который, кстати, не так чтобы скрывал фигуру, и теперь, зная, кто перед ним, молодой лорд мог разглядеть яв-

ственные признаки женского строения тела.

- Не стоит беспокоиться, - отмахнулась леди Кеттелин. – Все уже само почти зажило. Еще несколько дней, и краснота сойдет. А брови и ресницы и так уже потихоньку отрастают. Хорошо хоть, волосы не обгорели – шлем уберег.

Она стянула повязку, и по плечам рассыпались ровные блестящие пряди волос насыщенно черного цвета – совершенно непохожие на волосы ее соплеменников – кудрявые и с рыжим отливом. Лицо мгновенно преобразилось, и сама она вдруг стала сильно выделяться в толпе шаттергранцев. Рэйвен понял, что это мгновение навсегда запечатлится перед его глазами, и если однажды он займется живописью, портрет леди Кеттелин станет первой его работой. Под названием «Стыд, который будет душить меня ближайшую тысячу лет».

- Рэйвен, что-то случилось? – подошел к ним лорд Адриэл, заметивший состояние сына.

- Я сваял дурака, но леди Кеттелин любезно меня простила, - с легким поклоном в сторону девушки (хотя, по местным меркам, пожалуй, что женщины), пояснил Рэйвен.

- Вербена или Бени, - назвалась она и другим именем, обращаясь уже к лорду Адриэлу. – Леди Кеттелин – это прозвище. Или, если можно так сказать, ложное имя. Но все к нему так привыкли, что мое изначальное имя потихоньку стирается из памяти людей, и теперь в ходу разве что у членов семьи да приближенных к ним лиц.

- Она – дочь Дегеды Мудрого, - счел нужным уточнить Рэйвен. – Я должен был сразу представить вас друг другу – возможно, тогда это недоразумение разъяснилось бы несколько раньше. Еще раз примите мои глубочайшие извинения, леди Кеттелин. Не понимаю, как я мог быть так слеп.

Он на мгновение сокрушенно прикрыл глаза.

- Я уже приняла ваши извинения, лорд Рэйвен, - любезно улыбнулась женщина. – Пожалуй, это мне стоит извиниться перед Вами, что ввела в заблуждение своим внешним видом.

- Нет-нет, не извиняйтесь! – перебил ее лорд Рэйвен. – Это целиком и полностью моя вина. И Вы ведь намекнули мне – там, у обрыва. А я, признаться, подумал совсем о другом.

Взаимные извинения грозили растянуться на получасовое расшаркивание, и лорд Адриэл счел нужным вмешаться:

- Приятно познакомиться, леди Вербена, - поклонился он женщине.

- Не нужно так официально, - поморщилась она. – Обращение «лорд» и «леди» у нас не в ходу: мы его используем только по отношению к бессмертным. Мое прозвище – исключение. Полагаю, полное отсутствие кудряшек вызывает у моих соплеменников ассоциацию с Вашим народом. Оттого обращение «леди Кеттелин» так прочно ко мне приклеилось. Вы можете звать меня просто Бени.

- Как пожелаете, - еще раз склонил голову лорд Адриэл и обеспокоенно огляделся. – Кажется, нас никто не встречает?

- Вас встречаю я, - улыбнулась женщина, делая приглаша-

яущий жест в сторону жилых строений. – Отец нынче не в самом лучшем здравии, мой брат Арык занимается конфликтом на востоке, а среди дочерей Дегеды я – самая старшая. Поэтому позвольте показать вам наше скромное жилище и препроводить в подготовленные для вас помещения.

Она слегка присела в некой имитации книксена и с повторным приглашающим жестом двинулась вперед. Рэйвен, как заколдованный, пошел следом, пытаясь уложить в голове, что идущий перед ним уверенной мужской походкой человек – женщина. Верилось с трудом. И не только из-за мужского наряда.

Глава 5.

- Я, наверное, слегка двинулся умом из-за жары, - все еще сокрушался он, когда слуги торопливо раскладывали вещи по новым местам, а его отец критично оглядывал покои. – Как можно было перепутать? И шея тоньше, и ладонь меньше, и черты лица... Мне определенно напекло голову.

Он схватился за виски, пытаясь сплющить это позорное воспоминание. Но доктор Лэйкери не поспешил ему на помощь, лишь беззвучно рассмеялся из своего угла, где он раскладывал вещи.

- Не будь таким эмоциональным, - сказал лорд Адриэл, усаживаясь в кресло напротив сына. – Я тоже принял ее за мужчину. Причем за весьма несимпатичного. Плюс ты по большей части глазел по сторонам, так что неудивительно.

- Но я ехал с ней на одной лошади! – продолжал Рэйвен. – Беседовал с ней, слышал ее голос. Как я мог перепутать? Слышно же, что не мужской.

- И с голосом у нее тоже серьезные проблемы, - отметил лорд Адриэл. – И вообще, вид у этой «Бени», мягко говоря, не цветущий. Девушка явно зрелая. Так что можешь не переживать: она вряд ли будет помнить этот конфуз дольше пятидесяти лет.

- Почему? – не понял Рэйвен.

- М-да, тебе и впрямь, похоже, напекло голову, сынок:

она же смертная, - напомнил лорд Адриэл. - По виду ей лет двадцать или тридцать – я не силен в определении возраста смертных. Еще лет пятьдесят, и она покинет этот мир, унеся в могилу воспоминание о твоей оплошности. Если она вообще придала этому значение. Так что и ты можешь смело стереть из своей памяти сегодняшний день.

- Спасибо, утешили, отец, - саркастично ответил Рэйвен и снова схватился за голову. – Какой позор. Это ж надо было отчудить такое в первый же день. Простите, отец, вы были правы: наверное, я еще не готов к самостоятельным проектам.

Доктор беззвучно сказал «оу» и торопливо сделал вид, что занят разбором своих бутылков и скляночек и не слышит чужого разговора.

- Чушь! – вдруг рассердился лорд Адриэл. – Не смей сдаваться из-за одного небольшого конфуза. Ты просто переоценил свой жизненный опыт, но не себя самого. Если б я отступал всякий раз, как попадал в неприятную ситуацию, то ничего не добился бы. Тем более, здесь нечего стесняться. Девочка сама виновата: нельзя себя так запускать. Но коль скоро ей нет дела до своей внешности, то и тебе незачем стыдиться этого недоразумения.

- Я стыжусь того, что оказался таким невнимательным, - пояснил Рэйвен. – Я всегда думал, что неплохо умею разбираться в людях. А в итоге не сумел даже отличить мужчину от женщины. Какой из меня, в бездну, дипломат!

Доктор сочувственно покосился на молодого человека из своего угла.

- Не выражайся, - одернул сына Адриэл. – Какой дипломат, такая и задача: много ли умений требуется, чтобы работать со смертными? Десять-двадцать лет, и ты будешь здесь самым просвещенным в политических играх двора человеком: они же мрут как мухи и сменяют друг друга с той же скоростью. Или ты ждешь от смертных, что они раскроют тебе секреты мироздания и поделятся мудростью предков? Скажи спасибо, что они хотя бы читать умеют – когда я был здесь в прошлый раз, чтобы заключить мир, у нас с этим пунктом возникли серьезные проблемы.

- Да, Вы, разумеется, правы, отец, - вздохнул Рэйвен. – Мне нужно поработать над собой.

- Вот именно, - кивнул лорд Адриэл. – Приведи себя в порядок: умойся с дороги и смени, наконец, одежду. Леди Вербена сказала, что нас предупредят за час до обеда. Проканителишься – голова после мытья просохнуть не успеет. Еще простудишься в таком каменном мешке.

Лорд Адриэл недовольно окинул взглядом кладку стены и нетопленный камин.

- Она просила называть ее просто Бени, - напомнил Рэйвен.

- А ты женщин слушай больше, - ответил лорд Адриэл. – Им от природы свойственно манипулировать людьми. Вот она назвалась тебе домашним именем – Бени – и вроде как

уже безобидная овечка. Бе-е-ени.

Лорд Адриэл демонстративно проблеял имя голосом молодого барашка, но тут же посерьезнел.

- Ты не женщина, таких нюансов интуитивно не чувствуешь, а значит, должен продумывать. Скажи, пожалуйста, если ты будешь звать ее домашним именем, что это даст?

- М-м-м. Дружеские отношения? – предположил Рэйвен.

- Не просто дружеские, - поправил его отец. – Панибратские. Будете как брат и сестра. Будь она бессмертной, со временем начала бы вить из тебя веревки. Но, к счастью, она до этого уровня не дорастет. Зато смертным свойственна высочайшая эмоциональность. Их бросает из раздражения в восхищение и обратно за считанные минуты. А смертные женщины особенно эмоциональны в силу их невероятно короткого цикла – меньше тридцати дней. Сегодня вы брат и сестра, а завтра она, поссорившись и накрутив себя, расскажет кому-нибудь все, о чем вы «по-дружески» болтали между делом.

Доктор согласно закивал в своем углу, подтверждая значимость этого жизненного опыта.

- Звучит так, будто она монстр какой-то, - нахмурился Рэйвен, косясь на старших. – Я не думаю, что со мной случится нечто подобное: все-таки, мы слишком разные для настоящей дружбы.

- Ты уверен или это предположение? – поднял бровь лорд Адриэл. – Послушайся моего совета: выбери более строгую

форму обращения. Это позволит тебе сразу сформировать дистанцию и убережет от перехода на неподходящий тип общения.

- И все же, она действительно просила называть ее Бени, - неуверенно заметил младший лорд. – Хотя бы из вежливости стоит уважать ее желание.

- Однако даже вышколенный малец-конюх зовет ее «леди Кеттелин», - напомнил лорд Адриэл. – Думаешь, она его ни разу не просила обращаться иначе? Ты не на те вещи обращаешь внимание, сынок. Не важно, чего она хочет. Гораздо важнее, какое впечатление ТЫ произведешь на местных. Не надо этих мелких дружественных порывов, сосредоточься на общем впечатлении. Ты представляешь целую страну перед целой страной. Не распыляйся на мелочи вроде неловкостей перед какой-то местной девицей. Мысли немного масштабнее, смотри на себя со стороны.

- Я понял, отец, - вздохнул Рэйвен, откидываясь в кресле. – Просто меня выбил из колеи этот эпизод. Я настраивался совсем на другое. Заготовил несколько вариантов приветствия, продумал все до мелочей, как всегда делал ранее. Но все пошло настолько сильно не по плану, что я растерялся. Смертные так странно ведут себя. И как будто мыслят иначе. Такое невозможно предугадать.

- А ты думал, я из вредности отговаривал тебя от самостоятельного проекта? – спросил лорд Адриэл. – Я знал, что твой кругозор слишком узок, а опыт общения слишком од-

нообразен. Но коль скоро ты сам попросился... Ничего, еще поднаберешься опыта. Считай сегодняшнюю ситуацию своей первой задачей. С условиями ты уже ознакомился, теперь действуй: проработай ошибки, сформируй правильный задел на будущее.

- Хотите, чтобы я еще раз столкнулся с этой девушкой? – с кислым выражением лица уточнил Рэйвен.

- У тебя нет выбора: ты будешь сталкиваться с ней каждый день, ведь она здесь живет. Возможно, на протяжении десятков лет. Иди и приведи себя в порядок: покажешь этой «Бени», как должен выглядеть благородный человек, – лорд Адриэл помахал ладонью, призывая сына встать из кресла. – Глядишь, всем будет польза от твоего пребывания здесь: ты потренируешься в дипломатии, а смертные чуток поучатся культуре и благородному обращению. Может, в вашей светской болтовне промелькнет и что-нибудь полезное. Сомневаюсь, конечно, что смертные сумели сделать какое-нибудь открытие или достичь вершин в каком-либо ремесле, но чем боги не шутят? Зачем-то же Левенсток направил нас сюда. Остается только понять, зачем. И надеюсь, на это потребуются не слишком много лет.

- Вы закончили? – наконец, подал голос доктор Лэйкери. – Мне нужно осмотреть молодого человека, чтобы убедиться, что путешествие никак не сказалось на его здоровье.

Молодой лорд вздохнул и принялся раздеваться.

- Прекрасно выглядите, лорд Рэйвен, - сказала леди Кеттелин, когда спустя пару часов он вошел в переполненную залу и чуть отстал, давая возможность отцу выйти вперед – навстречу хозяину дома. Она стояла у входа, по-видимому, дожидаясь гостей, а дождавшись, присоединилась к ним на манер охранника, оказавшись слева от Рэйвена. И это было неприятно.

- С-спасибо, - заранее подготовленное приветствие второй раз за день застряло у него в горле. – Вы тоже.

Кеттелин рассмеялась: в ее внешности ничего не изменилось – разве только лицо было умыто да рубашка надета посвежее и побелее – даже с оборками по манжете и пышным воротником... Но все равно это была рубашка, а не платье. И заправлена она была во все те же бесформенные штаны, а они – в сапоги с широкими голенищами.

- Не нужно этих вежливых взаимностей, лорд Рэйвен, - сказала девушка. – Я заглянула в зеркало перед тем, как сюда идти, так что хорошо представляю себе, как на самом деле выгляжу. Знаете, мне было гораздо проще общаться с Вами, когда Вы считали меня мужчиной. День добрый, отец.

Лорд Рэйвен вздрогнул и торопливо повернул голову.

Дегеда Мудрый произвел на него сильное впечатление. Это был высокий и крепко сложенный мужчина, очень жилистый, с грубой кожей и большими ладонями. На голове его поблескивал стальной обруч с красным рубином, а воротник был заколот декоративной булавкой. Других украше-

ний не было. Из-под кустистых бровей внимательно глядели темно-карие глаза.

Леди Кеттелин прошла вперед и встала рядом с отцом. Они были похожи, очень похожи – одна стать, одни черты, один взгляд. Только на плечах Дегеды лежали седые кудри, а на голове его дочери не виднелось ни одного завитка, только тяжелые черные пряди – прямые, как шелковое полотно. Вот теперь, когда они стояли рядом, явственно было видно, что Кеттелин – женщина: у нее и плечи были уже, и фигура – тоньше, и руки – меньше, а черты лица – изящнее. Хотя последнее слово было трудно применить к описанию ее внешности: все-таки в целом она выглядела грубовато.

Пока Рэйвен разглядывал эту пару, лорд Адриэл закончил свою часть приветствия, представил сына, и тот сбивчиво проговорил заранее заготовленные слова. Опять все шло как-то не так, и молодой человек чувствовал себя не в своей тарелке. Однако привычка сдерживать эмоции на людях была усвоена им с молоком матери, и никто даже внимания не обратил на эти затруднения.

- Позвольте представить вам моих дочерей, - тем временем сказал Дегеда Мудрый, окидывая рукой вереницу ярко разодетых пышнотелых дам. – Гортензия, Ирис, Лаванда и Вербена.

Одна за другой девицы приседали и расплывались в улыбках. Кроме последней – та лишь коротко кивнула. Лорд Рэйвен с интересом оглядел прочих дочерей Дегеды Мудрого.

Они тоже были похожи, но – друг на дружку: одинаково приземистые, пышные, как дрожжевое тесто, и в буйных россыпях рыжеватых кудряшек. Тяжелые бархатные платья были украшены многочисленными тканевыми розочками, и на головах девушек были венки из таких же розочек. Девицы стреляли глазками и улыбались до ямочек на щеках, блестя пухлыми губками. У них-то брови и ресницы были на месте – черные, блестящие. Пожалуй, девушки были вполне симпатичными, особенно на фоне унылого серого бабья, которое разглядывало гостей по пути к Палатам. Но, разумеется, встань рядом с ними Афлин, и разница была бы колоссальной. Все-таки смертным катастрофически недоставало изящества. Всем.

Лорд Рэйвен разочарованно отвел взгляд. Одна из девиц заметила это и, фыркнув, высокомерно задрала носик. Но две другие продолжали разглядывать гостей, шептаться и хихикать, краснея и то и дело пряча глаза. Похоже, они были младшими в семье и еще не научились вести себя, как подобает.

Подумав об этом, Рэйвен устыдился. Ведь и правда, его окружали сейчас просто дети. Даже Дегеда Мудрый – отец семейства – был младше его, Рэйвена. Как можно думать плохо о детях, воспитанных детьми? Достоин уважения уже сам факт того, что хоть какое-то воспитание наличествует: девицы стоят ровно, в разговоры старших не вмешиваются, в гостей пальцем не тычут. Леди Кеттелин же и вовсе ведет

себя образцово, а ведь если подумать, она совсем еще ребенок – вряд ли старше Ашими.

Лорд Рэйвен повернул голову, и их взгляды встретились. И, видно, что-то отразилось на его лице, потому что девушка смутилась, часто заморгала и поспешила отвести глаза.

К счастью, знакомство и обмен любезностями уже заканчивались. Гостей пригласили за стол, что был накрыт прямо в центре зала. На столе громоздились блюда с целиком запеченными поросятами и птицей. Стояли также какие-то соленья, с горкой наваленные в глубокие чашки, печеный картофель и глиняные кувшины.

Лорд Рэйвен ощутил содрогание в желудке. Вот и нарисовалась самая главная проблема его жизни в этом месте – неподходящая диета. Оставалось лишь надеяться, что у шаттергранцев нет привычки щедро наваливать гостю все самые «вкусные» блюда и обижаться, если гость физически не способен их доесть.

Дегеда сделал приглашающий жест и повел гостей за собой. Три его красавицы-дочери торопливо засеменили следом, а Вербена зачем-то широким шагом опередила всех четверых и первой дошла до стола. Обогнула его, миновала три стула и замерла, отведя руки за спину и расставив в стороны локти, будто собираясь что-то защищать. Бессмертные были не единственными гостями сегодня – зал был полон людьми, разодетыми и украшенными богаче, чем горожане. И все эти люди, как по команде, устремились к столу. При-

чем, некоторые, не стесняясь, потирали в предвкушении ладони и абсолютно все шумно загалдели, стоило только Дегеде Мудрому двинуться в сторону стола.

Пустые стулья стремительно обретали седоков. Основная толпа устремилась к правой половине длинного стола, но с одной стороны там уже с чириканьем уселись три дочери Дегеды, а с другой стояла непоколебимая Кеттелин. Двое настырных шаттергранцев попытались обойти ее сначала с одной стороны, потом с другой, но девушка была недвижима.

Лорд Адриэл многозначительно переглянулся с сыном. Да, похоже, правила приличия здесь соблюдались весьма условно, и если б не суровая фигура старшей дочери Дегеды, гостям с севера попросту не оставили бы места. Даже сам Дегеда вынужден был согнать одну из своих дочерей с крайнего справа места, хотя Рэйвен ожидал, что ему поставят стул или что-то вроде трона с торца. Девушка несколько не обиделась и принялась толкать сестер. Те, в свою очередь, передвинули влево всю толпу по эту сторону стола. Раздались возгласы возмущения.

Эльдарцы – оба лорда и доктор Лэйкери – заняли предоставленные им места, не забыв благодарно кивнуть леди Кеттелин. Та коротко кивнула в ответ и перешла на противоположную сторону стола, к родным. Но там все места уже были заняты. Леди Кеттелин многозначительно скрестила руки на груди и уставилась на ту сестру, что сидела ближе к отцу. Девушка сделала вид, что ничего не замечает – взяла вилку и

стала выбирать, что бы ей такого на эту вилку наколоть. Кетелин продолжала стоять, суровой горой нависая над девушкой. Та поморщилась, но не собиралась сдавать позиций. Наконец, сам Дегеда повернулся к дочери и многозначительно откашлялся. Девушка вздохнула, возмущенно вздернула носик и принялась толкать сестер. Цепочка людей еще раз подвинулась, недовольно бурча, и все, наконец, усьелись. Главы семейств оказались друг напротив друга, лорд Рэйвен – напротив старшей дочери Дегеды Мудрого, а доктору Лэйкери досталось право любоваться за обедом самыми красивыми женщинами этого государства. И тот расплылся в довольной улыбке, хотя Рэйвен знал, что подобные девицы совершенно не в его вкусе: либо доктор решил сделать девушкам приятно, либо просто захотел подурачиться, что было свойственно его характеру вечного ребенка.

За столом, тем временем, началась активная деятельность: гости нагребали себе в тарелки еду из ближайших чаш с соленьями, кромсали поросят воткнутыми в них для этого ножами и наливали себе полные кубки из близстоящих кувшинов. Вокруг стола засновали слуги, но, похоже, в их обязанность не входило обслуживание гостей – только наполнение стола. На стол водружались все новые и новые блюда – еще горячие, дышавшие паром. Быстро опустевшие кувшины унесли, а им на замену поставили новые, полные.

Лорд Рэйвен критично осмотрел предоставленную ему посуду. Тарелка была всего одна, хотя, надо признать, до-

вольно затейливая: правильное сказать, это было серебряное блюдо с приплавленными к нему по краю дракончиками. К блюду справа и слева были уложены нож и вилка. Но почему-то в единственном экземпляре. Рэйвен покосился на приборы леди Кеттелин: перед ней также лежало всего одно блюдо и всего один набор из ножа и вилки. А вот перед ее отцом и сестрами и вовсе лежали только блюда и вилки, без ножей. Молодой лорд отметил, что все познается в сравнении: похоже, ножи гостям положили специально, из уважения. Кто-то знал хотя бы понаслышке о том, как трапезничают в Эльдаре и попытался воссоздать это здесь.

Послышался знакомый звук пробки, вынимаемой из бутылки. Рэйвен поначалу не обратил на него внимания, а потом вдруг спохватился, что на столе стеклянных бутылок не было, только глиняные кувшины. Он поискал глазами источник звука и сразу увидел девушку, неловко стоящую со штопором в руках, на который глубоко была насажена пробка. Она глядела то на штопор, который следовало бы освободить, то на открытую ею бутылку, вино из которой следовало бы разлить по кубкам. Бутылка была добротная, а вино в ней – белое и прозрачное, а значит, привезенное из еще более южных стран. Однако, для шаттергранцев это, наверное, роскошь. Рэйвен посмотрел на отца, и они обменялись многозначительными взглядами.

Но вино не торопилось попасть в пустые кубки: девушка-служанка почему-то решила, что освободить штопор от

пробки – это первоочередная задача. И задача эта никак не решалась: пробка, сделанная кварками, засела надежно, и открытая бутылка в другой руке не облегчала процесс. Эмоции девушки сложно было считать, но девушка покраснела – видимо, очень старалась.

Леди Кеттелин, над чьим плечом разыгралась война служанки со штопором, недовольно поморщилась и махнула на девушку рукой, прогоняя прочь, а затем привстала и сама наполнила кубки сначала отца, затем гостей, а после того – свой. Сестрам она не налила, и те обиженно надули губы и повернулись к ней, буравя ее возмущенными взглядами. Кеттелин вздохнула и раздраженно махнула головой в сторону служанки, уже спешащей к столу со второй бутылкой. Стало ясно, отчего возникло недоразумение: девушка хотела сначала открыть обе бутылки, а затем уже наполнить кубки, однако прежде невиданный ею штопор ввел ее в затруднение.

Когда кубки были наполнены, Дегеда Мудрый взял свой, поднялся и сказал:

- Ну, за наших гостей с севера!

Весь стол синхронно закрипел отодвигаемыми стульями и хором – громко, но нескладно – повторил сказанное, а затем руки присутствующих потянулись к середине стола, и кубки встретились друг с другом, расплескивая содержимое под одобрительные возгласы.

Эльдарцы не сразу поняли, что это какая-то традиция, и

им оставалось лишь с опозданием повторять действия вслед за хозяином дома. Когда кубки устремились к середине стола, доктор Лэйкери, быстрее всех сообразивший суть процесса, подмигнул девицам напротив, и три их кубка, в обход прочих, звонко столкнулись с его под хихиканье девушек. Лорд Адриэл неспешно звякнул своим кубком о кубок хозяина дома, а Рэйвену ничего не оставалось, кроме как подобным образом поприветствовать старшую дочь Дегеды. Девушка со сдержанной улыбкой глянула на него поверх серебряного края сосуда. Похоже, ее позабавило это небольшое затруднение гостей. Рэйвен ощутил, что краснеет вопреки своему желанию. Да что ж она все время становится свидетелем его оплошностей? Это уже становится дурной традицией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.